

*Ирина
Шерман*

Тяжёлый запах жасмина

16+

Ирма Шерман
Тяжелый запах жасмина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шерман И. М.

Тяжелый запах жасмина / И. М. Шерман — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

В декабре 2016 года И. Шерман завершил работу над повестью «Тяжёлый запах жасмина». В основу произведения легли реальные события, пережитые главным героем во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., и которые изменили всю его дальнейшую жизнь.

Ирма Маркович Шерман

Ирма Маркович Шерман родился на Украине в городе Ромны, Сумской области, 27 марта 1927 года. Рос и учился там же.

Война прервала учёбу, пришлось работать на разных работах. В эвакуации в Башкирии в г. Уфа, 1944-1945гг., работал в ансамбле лилипутов Башкирской государственной филармонии в должности помощника режиссёра. С концертной бригадой от филармонии выступали в госпиталях города, где лежали раненные военные, а также ездили в другие города страны с концертами.

После окончания войны, в 1945 году вернулся в родной город, где работал актёром Роменского Государственного Украинского музыкально-драматического театра имени Ивана Тобилевича. В 1947 году театр расформировали. В дальнейшем судьба Ирмы Марковича была также связана с искусством.

В 1970 году окончил Харьковский Государственный институт культуры. С 1971г. по 1996г. жил и работал в г. Бердянске, Запорожской области. Работал в городском Дворце культуры художественным руководителем.

С ноября 1996 года живёт со своей семьёй в Соединённых Штатах Америки. Пенсионер.

В 2004 году был издан его первый сборник стихов «Избранное». Стихи И. Шерман пишет с юношеских лет, но большого значения этому никогда не придавал, поэтому многое из его сочинений, к сожалению, не сохранилось.

В декабре 2016 года И. Шерман завершил работу над повестью «Тяжёлый запах жасмина». В основу произведения легли реальные события, пережитые главным героем во время Великой Отечественной войны 1941-1945гг., и которые изменили всю его дальнейшую жизнь. Имена и фамилии в произведении изменены.

Память! О, Память! – Великое диво,
Всё для тебя не стареет и живо,
Всё, что упрятано, скрыто годами,
Неотделимо живёт рядом с нами.

И.Шерман

Это было давно, в середине прошлого, двадцатого столетия, когда бушевала Вторая Мировая война – самая страшная и самая кровавая из всех войн, которые знала история, которая унесла десятки миллионов человеческих жизней, которая уничтожила и разрушила всё то, что можно было разрушить, сжечь и уничтожить, особенно на территории бывшего Советского Союза, где проходили ожесточённые бои, где сотни тысяч ни в чём не повинных людей были расстреляны и зарыты в оврагах и противотанковых рвах фашистскими оккупантами и их пособниками.

Лето тысяча девятьсот сорокового года было жарким и в меру дождливым. Наш городок со своими одноэтажными домиками, которые прятались за высокими дощатыми заборами, утопал в цветущих садах. Кроме одноэтажных домиков были и двухэтажные здания, которыми гордились горожане, считая, что город имеет солидный вид. Это здания городского банка, горисполкома, почты, два школьных здания и некоторые другие. Все эти строения были построены задолго до революции и достались городу в наследство от царской России. А нам, мальчишкам, было хорошо, что всё это есть и мы радовались тому, что нас окружало. А окружало нас очень многое: первое – это река, которая летом была для нас вторым домом, второе – это овраги, которые были в большом количестве, как в городе, так и за городом. В этих оврагах можно было целыми днями играть в «сыщиков» и «разбойников», и только к вечеру возвращаться домой усталыми и возбуждёнными. Кроме реки и оврагов нас также манили к себе величественные, старинные, христианские храмы со своими куполами и колокольнями, которые возвышались над всеми строениями города, как бы напоминая всем живущим о седой старине. И мы, проникая вовнутрь давно не действующих церквей, ходили там, ощущая какой-то внут-

ренный трепет от таинственности, которая как бы притаилась в них. На нас со стен смотрели обезображенные лики святых и только вверху ещё сохранились библейские росписи, которые не успели уничтожить, не дотянувшись к ним из-за большой высоты. Колокольня, которая стояла рядом, была с облупившимися стенами, без колоколов, с прогнившими ступенями и вся заросшая бурьяном. Для нас это казалось нормальным, потому что мы везде и всюду, а особенно в школе, впитывали в себя антирелигиозную пропаганду, которую нам вдалбливали учителя: ходить в церковь, крестить детей, венчаться – считалось позором, как у христиан, так и у евреев, которых в нашем городе был большой процент среди всего городского населения.

В классе, в котором я учился, было тридцать два человека, из которых двадцать один – девочки и мальчики еврейской национальности. Из восьми школ в городе, было всего две, где преподавание шло на русском языке с обязательным изучением украинского языка и литературы. Остальные школы были украинские. А евреи, в большинстве своем, старались отдать своих детей в русские школы. Вот почему в них и был большой процент еврейских детей. Но это не говорит о том, что в школах, где шло преподавание на украинском языке, не было еврейских детей. Там их тоже было много, а вот в еврейской школе, где шло преподавание на «идиш», было очень мало учащихся. Парадокс – но факт.

Август месяц тысяча девятьсот сорокового года промчался и первого сентября мы снова сели за парты, уже не в шестом, а седьмом классе. Первый день прошёл бурно и радостно. С сияющими лицами встречались подруги и друзья, которые не виделись долгое время. За разговорами и не заметили, как вошла в класс наша новая учительница, и только тогда, когда она поздоровалась, все уселись на свои места и начался наш первый урок нового учебного года. В основном все ребята и девчонки были те же, кто учился и в прошлом году, кроме Жоры Васильева, который сидел за последней партой и был старше и выше нас всех. С ним никто не дружил, зная его как отъявленного драчуна, и который сам не собирался подружиться с кем бы то ни было.

Мы проучились уже неделю, когда на урок русского языка вошла Анна Александровна – наш классный руководитель, с мальчишкой небольшого роста с большой копной рыжих волос. Она представила нам нового ученика, который только вчера приехал в наш город, и теперь будет учиться в нашем классе. Зовут его Сёма, а фамилия Голдштейн. В классе стояла полная тишина, все разглядывали новичка и вдруг в этой тишине раздался голос Жоры:

– Рыжий, иди, садись возле меня!

Все засмеялись, а Сёмка посмотрел на Анну Александровну и пошёл усаживаться рядом с Жорой. С этого момента Жора и Сёмка были единое целое, неразделимое, где один был высокий широкоплечий блондин с тёмными карими глазами, в которых таилась какая-то тоска, а другой – небольшого роста, коренастый, спортивного телосложения рыжий с голубыми глазами, в которых всегда искрилась весёлость беззаботного мальчишки. Когда они были вдвоём, то смешно было смотреть на эту пару, где рост одного был намного больше другого, а когда они шли вместе, разговаривая, то Сёмка задирает голову, забегая вперед, чтобы видеть лицо говорящего друга. Так к ним и прилипла кличка «Пат и Паташон», а Сёмку иначе как «рыжий» не называли, да он и не обижался на такое обращение, как видно, давно привыкнув к этому, как многие привыкают к тому, что невозможно предотвратить.

Прошло три недели, как Сёмка появился в нашем классе, всё шло своим чередом: дни учёбы сменялись выходными днями, одно только нас угнетало, что нет уроков физкультуры, которые мы все любили, как уроки, так и учителя, который в настоящее время лежал в больнице со сломанной рукой. Прошло ещё немного времени, и в один прекрасный день в класс вошёл Александр Николаевич – это наш преподаватель физкультуры, и повёл нас в спортивный зал. Мы были бесконечно рады, что наш любимый учитель выздоровел и вернулся на работу. Спортивный зал был просторным помещением, в центре которого стоял турник, справа были брусья, а в углу стоял «конь». Под турником лежали маты, и стояло ведро с порошком талька

или чего-то другого, но оно предназначалось для того, чтобы натирать руки, чтобы не потели. Урок начался с построения и пробежки по кругу спортивного зала, а затем по порядку очередности мальчишки подходили к турнику, на котором нужно было подтянуться и взобраться на перекладину – это для ребят, а для девочек только подтянуться до подбородка два раза.

Сёма стоял самым последним. Процедура подтягивания проходила очень быстро и, когда подошла очередь Сёмки – Рыжего, то он подошёл к ведру, натёр руки порошком и не спеша, солидно, вразвалочку подойдя к турнику, тихо сказал: «Жора, подсади». Все засмеялись и настроились смотреть, как Сёмка будет подтягиваться. Жора подошёл, поднял его, и он повис на перекладине турника, а по залу прошёл тихий смешок. Вдруг, Сёмка взмахнул всем своим телом, взлетел на перекладину, остановился, как бы сделав стойку на ней, два раза прокрутил «солнце» вокруг перекладины, а затем, оторвавшись от неё, прокрутил в воздухе «сальто» и благополучно встал на ноги. В зале повисла гробовая тишина, и вдруг все закричали «Ура!» и зааплодировали. Александр Николаевич подошёл к Сёмке, который стоял с каким-то виноватым видом, обнял его за плечи и сказал только одно слово: «Молодец!».

С этого момента Сёмка стал знаменитостью нашего класса, а впоследствии, когда он занимал первые места на городских соревнованиях по гимнастике, то стал известен в школе как лучший гимнаст, и девочки как-то с интересом поглядывали в его сторону, но он этого не замечал, а может быть, просто не хотел этого замечать.

Дружба между Сёмкой и Жорой крепла, и однажды он пригласил Жору к себе домой, чтобы показать свой «спортивный зал», который он устроил в сарае.

Жора пришёл, как всегда непричёсанным, в помятой, старой одежде, в которой всегда и везде появлялся, но даже в этом одеянии он был хорош – высок, широкоплеч, с какой-то особенной осанкой, которая была присуща только ему, и видимо, передалась от его предков. Как бы там ни было, он был видным парнем.

Осмотрев «спорт-сарай», Жора одобрил Сёмкины начинания, сам попробовал подтянуться на кольцах, которые были прикреплены к чердачному перекрытию, и направился к выходу. Простояв у раскрытых дверей сарая и обменявшись новостями, договорились вечером сходить в кино, благо было воскресенье, а кинофильм был с интригующим названием: «Ночной извозчик». Решение было принято, и Жора уже собрался уходить, когда вдруг открылась калитка и во двор вошла девушка, остановилась, поздоровалась с Жорой, который стоял, не двигаясь, глядя на неё во все глаза и не отвечая на её приветствие, словно онемел от неожиданности. Она прошагала мимо Сёмки и Жоры, подошла к двери, остановилась, взявшись за ручку, обернулась, пристально посмотрела на стоящего Жору, улыбнулась, как могут улыбаться только красивые девушки, и скрылась за дверью, ведущей в дом. А Жора всё ещё стоял, глядя на закрытую дверь и, ни к кому не обращаясь, произнёс: «Вот это да!» – и потом повернулся к Сёмке и тихо спросил:

– Кто это?

– Моя сестра, – ответил Сёмка.

– Сестра?! – Жора хлопнул своего друга по плечу, загадочно улыбнулся и быстро зашагал к калитке.

Вечером Сёмка так и не дождался Жоры. Такого ещё никогда не было, чтобы он пообещал и не выполнил своего обещания, или пообещал и не пришёл. А Люся весь вечер допытывалась у Сёмки, кто это был. Что за парень, которого она видела с ним, и почему он так быстро ушёл? Сёмка смотрел на неё и исподтишка посмеивался, говоря ей о том, что он хороший парень, но любит подражаться и страшно не любит девчонок. «Но это так и есть на самом деле!» – возмутился Сёмка, увидев Люсину улыбку. Помолчал и снова продолжил: «И вообще, он не любит говорить о себе. Вот я хоть и дружу с ним, а знаю о нём очень мало, знаю только то, что у него нет родителей, и он живёт у бабушки. Но несмотря ни на что он сильный и ловкий в драке, он добрый, отзывчивый и преданный друг. В этом я неоднократно убеждался. Если

меня хотел кто-то обидеть, то он горой становился на защиту. Жора просто хороший парень и то, что он мой друг, то считай, мне просто здорово повезло!». Так закончил Сёмка рассказ о своём товарище. А пока он говорил, Люся слушала, не перебивая, а когда он закончил, то рассмеялась и вдруг серьёзно заявила: «Завтра ты меня познакомишь с ним!». Поднялась со стула, на котором сидела, и пошла к себе, в свою маленькую комнатку, которая была только её и служила ей и уютным уголком, и в то же время спальней. Сёмка смотрел ей вслед и вдруг, как бы впервые увидел и понял, какая у него красивая сестра. А ведь она и впрямь была очень красива и оригинальна во всём. Её густые, каштановые волосы волнами рассыпались на округлых плечиках, обрамляя всю её головку и личико с тонкими тёмными бровями, голубыми глазами с длинными чёрными ресницами, и с небольшим, немного вздёрнутым носиком, что придавал ей задорный, независимый вид. И в этой гамме красоты вырисовывался небольшой ротик, с влекущими к себе пухленькими губами. Роста она была небольшого, но выше своего брата и старше его на два года. Всё в ней было красиво – личико, фигурка и голос, которым она была щедро наделена природой. Поклонников среди мальчишек девятого класса, в котором она училась, было более чем достаточно, да и из других классов многие хотели с ней подружиться, но никому это не удавалось, она старалась быть независима и предпочитала быть только со своими задушевными подругами. А вот Жора как-то сразу её заинтересовал, а чем, так она и сама не сумела бы ответить на этот вопрос. Может быть, своей загадочностью? Кто знает? В жизни всё необъяснимо!

В школу Сёмка пришёл очень рано, задолго до начала занятий. Снял с себя верхнюю одежду, повесил её на вешалку, поднялся на второй этаж, где находился седьмой «Б» класс, вошёл и сел за свою парту, подперев ладонями подбородок, силясь понять, что же могло случиться, что Жора не пришёл, как обещал ему вчера.

Вскоре начали приходиться девчонки и ребята, заполняя классное пространство своими разговорами и смехом, а Жора пришёл почти перед самым началом занятий. Он показался в дверях, и в классе повисла тишина. Все смотрели на Жору, который медленно шёл к своей парте. И не мудрено, что все рассматривали его. Всё в нём было необычно, как говорится, с ног до головы. Во-первых, он был подстрижен и аккуратно причёсан, в светлой хорошо поглаженной рубашке, в тёмном пиджаке, в таких же тёмных, хорошо выглаженных брюках и до зеркального блеска начищенных ботинках. Все вдруг увидели совсем другого человека – статного и красивого парня, которого никто и не замечал, до сегодняшнего дня.

Пройдя, как сквозь строй, молча стоявших одноклассников, он уселся на своё место и вынул из-за пояса тетради и пару учебников, положил их в парту и только тогда обратился к Сёмке:

– Ну, как?!

А Сёмка на его вопрос ответил тоже вопросом:

– Ты почему не пришёл, как обещал? Я прождал весь вечер! – сказал и с обиженным видом отвернулся от него.

– Не обижайся, Сёмка, – тихо произнёс Жора, – я вчера с бабушкой почти весь день и полночи занимался подгонкой бывшей отцовской одежды. Ведь пришла пора последить за собой. Ты ведь обещал познакомить меня со своей сестрой, вот я и решил выглядеть более или менее похожим на человека.

Он положил свою руку на плечо Сёмки, который повернулся к нему, и оба улыбнулись друг другу, счастливые тем, что конфликт улажен и для обиды нет никаких причин. В это время в класс вошла учительница математики Александра Григорьевна, которую все называли «Александриска», и начался урок.

После шестого урока Сёмка и Жора быстро собрались и, спустившись на первый этаж, пошли в противоположное крыло школьного здания, где находился 9 «А», в котором училась Люся. Когда они подходили, то из дверей класса выходила Люся со своими подругами, а за

ними шла «тройка борзая» – как их называли все в школе – Грынька Гаркавый, Володька Кныш и Аркадий Царенко; а Люся, когда увидела Сёмку и Жору, то очень обрадовалась их приходу и быстро подошла к ним, радостно улыбаясь.

– Вот кстати! А то бы мне пришлось идти домой одной из-за того, что девочки должны пойти в больницу проведать Женину маму, а эта тройка мне прохода не даёт! Просто не знаю, куда от них деться! Особенно пристаёт Грынька! Ну, пошли, чего стоим?

Жора стоял, не сводя с Люси глаз, а потом сам, не дождавшись пока Сёмка познакомит их, протянул к ней руку и коротко сказал:

– Жора!

Люся улыбнулась, в глазах заиграли весёлые «чертики», протянула ему свою маленькую ручку, которая спряталась в Жориной лапе, и звонко рассмеялась.

– Ну, пошли, чего стоять? – сквозь смех, сказала Люся.

Они шли не спеша. Люся посерединке, а ребята по бокам. Люся всё говорила и звонко смеялась, особенно тогда, когда рассказывала эпизод о том, как однажды «борзая тройка» окружила её, и Грынька полез целоваться, а она отбивалась, как могла, и тут прибежали девочки, стали бить их портфелями, а у Грыньки вырвали клочок волос на голове, которых у него и так мало. В общем, девочки самоотверженно сражались и разогнали эту гадкую «рать». Она рассмеялась, но вдруг посмотрела на Сёмку и Жору и тихо проговорила:

– А ведь они мне всё время прохода не дают и всё угрожают. Если по правде, то я их просто боюсь! – она замолчала и задумалась, а потом снова рассмеялась и, взяв обоих ребят за руки, обращаясь то к одному, то к другому, продолжила:

– А теперь я никого не боюсь! – и они снова, держась за руки, пошли дальше.

Люся чувствовала еле заметное пожатие Жориной руки, и ей было весело и хорошо, что у неё появился, как ей казалось, преданный друг и защитник от всех бед, и особенно, от приставаний этой «борзой тройки». Когда уже подходили к калитке, где жили Люся и Сёмка, Жора остановился и, не выпуская Люсиной руки и заглядывая ей в глаза, сказал тихим, но уверенным голосом:

– С сегодняшнего дня можешь этих... – он хотел что-то покрепче сказать, но, помолчал, улыбнулся и продолжил: – не бояться! Об этом я постараюсь!

Простившись, Жора ушёл, а Люся и Сёмка смотрели вслед высокому, стройному и широкоплечему парню до того момента, пока он не скрылся за углом дома.

– А ведь он и вправду хороший парень! – сказала Люся, открывая калитку.

С этого дня завязалась дружба Жоры и Люси, которая постепенно перерастала во что-то большее, чем дружба. Жора становился для неё близким, очень близким человеком, а он стал замечать, что часто думает о ней, как о самом дорогом человеке, о том, что она ему нужна, необходима и, что жить отшельником, как жил до сих пор, он уже не может. А Люся, как говорится, прожужжала маме все уши о своём друге Жоре, который и Сёмкин близкий, преданный друг, о том, какой он хороший и добрый, и что он очень красивый и видный парень. Мама–Сима слушала её, улыбаясь и уже смеясь, сказала:

– Люсенька! Да ты ведь влюбилась! – она притянула свою любимую дочь к себе, поцеловала её и о чём-то задумалась. И вдруг предложила:

– А ты, Люсенька, пригласи его к нам, ведь я тоже хочу с ним познакомиться и посмотреть на твоего избранника.

Люся подняла голову, глаза у неё засияли, и она произнесла одно единственное слово:

– Правда?!

– Правда, правда, доченька моя! Ведь я должна быть твоим советчиком и другом, ведь я твоя мама, а это много значит! Только ты меня предупреди, чтобы я могла что-нибудь приготовить, ведь твой друг придёт! – Она засмеялась и трижды поцеловала свою любимую дочь.

Жора пришёл вместе с Сёмкой, когда мама–Сима накрывала на стол. На диване сидели мужчина и женщина лет сорока – сорока пяти. Люси не было, она в это время примеряла, что надеть из своего скромного гардероба. Григория Яковлевича – отца семейства, ещё не было с работы, что ж, такова уж судьба военного начальства. Сёмка подвёл Жору к дивану, где сидели гости и представил:

– Это близкие друзья нашей семьи: Василий Иванович и Галина Владимировна, а это мой друг Жора.

Только успел Сёмка познакомить Жору с гостями, как тут же, в дверях своей комнаты, показалась Люся и, услышав последние слова Сёмки, уточнила, что Жора не только его друг, но и её тоже. Она подвела Жору к маме и сказала:

– Познакомься, это моя мама.

Жора протянул ей свою руку и, сжав её ладонь, сказал, что очень рад познакомиться с мамой своих друзей. Сказал и улыбнулся, и тут все увидели, что этот высокий и статный юноша, имеет такую обаятельную улыбку, а мама–Сима, освободив свою ладонь из Жориной руки и растирая её, сказала, что тоже рада знакомству.

В это время, пришли ещё одни друзья семьи и самые близкие соседи по дому, дядя Ишия и тётя Фрида. Но самое радостное в этом семейном вечере было то, что Григорий Яковлевич пришёл раньше, чем всегда, познакомился с Жорой и все стали рассаживаться за стол. Люся с Жорой сели рядышком, рядом с ними сел и Сёмка, напротив – Василий Иванович с женой, слева, в торце стола, Григорий Яковлевич и мама–Сима, а у другого торца – дядя Ишия и тётя Фрида.

Григорий Яковлевич был в военной форме, которую он не успел снять и переодеться, и Жора только сейчас обратил внимание на то, что у него в петлицах было по две шпалы.

Рюмки наполнили вином, в этот момент Василий Иванович поднялся и попросил у всех разрешения провозгласить тост в честь юбиляров.

– Разрешаем! Разрешаем! – дружно ответили все сидящие за столом.

– Дорогие Гриша и Сима! – начал он. – Поздравляю вас с юбилейной датой, а вернее, с двадцатилетием вашей супружеской жизни. От всей души желаю вам здоровья, удачи, счастливой и долгой жизни, чтобы дожить вам до внуков и правнуков, радуясь, глядя на них! За ваше здоровье, дорогие!

– Горько! – выкрикнул дядя Ишия, все поддержали его, Григорий Яковлевич и мама–Сима, с удовольствием целовались, а все поднялись со своих мест и, уже стоя осушили свои рюмки за здоровье юбиляров. Один только Жора пригубил и поставил свою рюмку, а Люся увидела и с обидой спросила:

– Что ж ты не выпил за здоровье моих родителей? – а Жора ответил, виновато глядя на неё:

– Я, Люсенька, не пью. Я дал себе зарок: никогда не пить ни вино, ни водку. Прости меня! Я никого не хотел обидеть! Поверь мне!

А мама–Сима, слыша этот разговор, смотрела на Жору с какой-то материнской нежностью, и вдруг поднялась и, подойдя к нему, поцеловала в щёку, как привыкла целовать своих детей. Жора поднял голову, и в его глазах искрилась радость и благодарность этой женщине – матери его самых близких и дорогих друзей. После того, как выпили ещё по одной, Василий Иванович подошёл к столику, на котором стоял патефон, накрутил пружину и поставил пластинку. Танго танцевали все, кроме Жоры. Он сидел и смотрел на танцующих с какой-то грустью и завистью. Он просто не умел танцевать, и ему было как-то неловко и обидно, что вот все танцуют, а он этого сделать не может, да он, до сегодняшнего вечера, об этом и не задумывался.

Люся танцевала с Сёмкой, а когда они поравнялись с сидящим Жорой, то остановились. Сёмка ушёл за стол, а она села возле Жоры и ласково сказала:

– Не грусти, Жора, я научу тебя танцевать. Конечно, если ты этого хочешь.

– Спасибо, Люсенька, я попробую, если что-то у меня получится.

– Получится! Получится! – сказала Люся и засмеялась счастливым и звонким смехом.

Расходились где-то в десятом часу, радостные и немного под хмельком. Василий Иванович с женой ушли немного раньше, чем остальные, потом стал собираться и Жора, а Люся оделась, чтобы проводить его, да и немного постоять с ним, без посторонних глаз. Мама–Сима убирала со стола, Григорий Яковлевич помогал ей, а Сёмка пошёл стелить себе постель.

– Ну, как тебе Жора? – спросила мама–Сима, глядя на своего мужа с загадочной улыбкой.

– А что можно сказать о человеке, которого впервые видишь, – сказал Григорий Яковлевич и тут же спросил: – А кто он, вообще, такой?

– Друг твоей дочери! Ты, что, не заметил, как она на него смотрела? Между прочим, он мне нравится уже тем, что не пьёт и не курит – что в настоящее время встречается всё реже и реже, да и довольно симпатичный парень.

– Да! Колесо жизни крутится! – ответил Григорий Яковлевич. – Сие от нас не зависит! – сказал он, взял стопку тарелок и понёс на кухню.

Жора и Люся стояли напротив друг друга, в тёмном коридоре, Люся положила ему руки на плечи; они были рады, что остались наедине, без посторонних глаз, и что только луна тайком заглядывала в маленькое окошко, подглядывая, как они целуются.

Люся долго не позволяла себе оставаться с Жорой наедине и, вскоре, распрощавшись с ним, вошла в комнату, а Жора отправился домой, чтобы переодеться и пойти на пару часов грузить вагоны. Он уже давно это делает, но об этом знала только его родная и очень любимая бабушка, которая тоже целыми днями трудилась, обшивая своих заказчиков, а заказчиков у неё было много, как у любой хорошей и добросовестной портнихи.

А время шло, неделя учебы сменялась другой, продвигаясь к Новому тысяча девятьсот сорок первому году. Многие уже закупили ёлки, понимая, что чем раньше – тем дешевле их цена, а Жора, работая на погрузке и разгрузке вагонов, в ночное время, собирал деньги, чтобы купить Люсе новогодний подарок, хотя, ещё не знал, что купить и что подарить. А Люся готовилась к новогоднему балу–маскараду, который будет проходить в большом школьном зале. Она готовила себе костюм и маску, конечно так, чтобы никто об этом не знал, да ещё в школе репетировала свой сольный номер для Новогодней концертной программы, в которую был включен и Сёмка, со своими акробатическими номерами. В общем, забот было много и всё это заполняло то время, которое оставалось после учёбы. Особенно много времени занимали репетиции, но это было интересно – сообща готовиться к такому весёлому и радостному празднику, как Новый год!

Жора, работая, уже собрал приличную сумму, но никак не мог подобрать хороший новогодний подарок для Люси и её мамы. Набор духов он не хотел дарить, зная о том, что такой подарок не останется, как память, на всю жизнь.

Однажды, он сидел, задумавшись над своей проблемой, и бабушка, заметив это, спросила его, о чём он думает и грустит, ведь раньше она за ним не наблюдала ничего такого. Он поднял голову и обратился к ней:

– Бабуля! Помоги мне в одном щепетильном вопросе, который сам решить не могу. Я хочу подарить подарок девушке, с которой дружу и ...очень люблю, – Жора умолк, а бабушка смотрела на него и молчала, как бы лишившись дара речи. Её Жора, её внук, который не переносил девичьего общества, и вдруг говорит, что у него есть любимая девушка и что он мечтает о хорошем подарке для неё и её мамы.

– Да! Вопрос очень сложный, – как бы очнувшись, сказала она. – Ювелирного магазина в городе нет, а в тех, которые есть, ничего хорошего не найдёшь, всё грубое, как будто сделано из-под топора. – И, помолчав, согласилась ему помочь в таком щепетильном деле.

– Была у меня одна заказчица, правда прошло уже немало времени. Она, как бы, старинного рода, а теперь живёт одна и иногда, только знакомым, продаёт свои былые украшения,

которые сумела сохранить из всего того, что было у неё раньше. Остальное было конфисковано и ушло неизвестно куда. Её прадед, был полковником царской армии и за боевые заслуги перед Отечеством был награждён самим царём поместьем и хорошим жалованием. После революции всё пошло прахом. Всё, что было нажито за всю долгую жизнь, забрали в один день, и ценности, и поместье. А мать с отцом и дочерью остались, как говорится, нищими. Но мать успела многое из ювелирных женских украшений вовремя спрятать. Вот, их дочь, которая сейчас осталась одна из всей семьи, иногда продаёт одну-две вещицы, чтобы, как говорится, продержаться «на плаву». Хотя и очень боится последствий, если «они», она указала пальцем в потолок, узнают о продаже. Так что не горюй, Жора, сходим к ней и что-то уж подберём твоей девушке–подружке.

Сказав это, она стала одеваться, и вскоре они вдвоём пошли покупать новогодний подарок. На улице падал реденький снежок, было светло от снега и радостно на душе. Прошли по улице, на которой они жили, пересекли центральную улицу имени Ленина, спустились в овраг и, перейдя его, поднялись на небольшую горку и вошли во двор, который приютился на краю обрыва. Домик стоял слева, а справа был небольшой фруктовый сад. Дворик был чистенький, присыпанный свежим снежком. Жора и бабушка взошли на крылечко и постучали в дверь. Открыла дверь ещё довольно молодая женщина и, увидев Дарью Ильиничну, пригласила их в дом.

– Проходите, проходите, я очень рада, когда меня кто-то посещает, а то сижу в доме затворницей, просто иногда становиться жутко.

Всё это она говорила, проходя вместе с гостями в гостиную и, когда Дарья Ильинична с Жорой присели на небольшом диванчике, то она тоже села на стул, который поставила напротив, и спросила:

– Так что же привело вас ко мне, дорогая Дарья Ильинична?

– Да вот, не скрою, что кроме, как повидать вас и пообщаться с вами, уважаемая Любовь Илларионовна, нас ещё привела к вам одна просьба, конечно, если это в ваших возможностях... – она помолчала, а потом, как бы спохватившись... – Ох! Извините меня, я ведь не познакомила вас с моим внуком. Его зовут Жора, да и наш приход к вам, в большей мере, касается его. Если вы не сомневаетесь в нашей с ним порядочности, то я хотела бы попросить вас подыскать или посоветовать, где можно было бы приобрести хороший новогодний подарок для Жориной девушки и, желательно бы, для её мамы. Ведь в наших магазинах этого сделать невозможно.

Бабушка замолчала и посмотрела на Жору, который сидел рядом и, смутившись, от её откровенности, улыбался.

– Не смущайтесь, молодой человек. – Обратилась к нему Любовь Илларионовна. – Молодость – это прекрасно, и я с удовольствием попробую вам помочь. Но я надеюсь, что всё это останется между нами. Бабушку вашу я знаю давно. Это прекрасный человек, а если вы её внук, то я полностью вам доверяю.

Она поднялась и пошла в другую комнату. Минут десять – пятнадцать её не было, а когда появилась, то Жора и бабушка увидели в её руках какие-то две коробочки.

Все пересели к столу, который стоял тут же, в гостиной, накрытый белоснежной скатертью. И она, положив на стол то, что принесла, с грустью сказала:

– Это были наши семейные реликвии, а вот теперь, я осталась одна, никого у меня нет из родных и близких, а когда я умру, то всё это неизвестно кому достанется. Так вот, я и решила, чтобы эти вещи носили молодые и хорошие люди, а я, продав их, поддержу себя материально. Вот такое моё решение.

Коробочки были в прекрасном состоянии, словно только что из магазина. Вокруг выделялась серебристая кайма, а в центре красовался двуглавый орёл, над которым сияла позолоченная корона. Любовь Илларионовна аккуратно открыла крышечку одной из коробочек

и вынула ожерелье тонкой ювелирной работы. Это было настоящее произведение искусства, высокого класса!

– Для девушки это прекраснейший подарок! – в задумчивости произнесла она. – Это подарок моего прадедушки своей невесте. Это старинная и ценная вещь! А вот эта, – она вынула из другой коробочки брошку из слоновой кости. – Эта брошь, уже более позднего времени, её подарил мой отец моей маме в день её двадцатипятилетия. Было это ещё до революции. Эти вещи не стыдно подарить своим любимым и родным людям.

С этими словами она положила ожерелье и брошь на свои места, захлопнув крышечки.

– Ну, так что? Берёте? – спросила она, глядя на Дарью Ильиничну и Жору. Бабушка молча, посмотрела на внука, как бы советуясь с ним, и поинтересовалась стоимостью этих украшений, зная заранее, что цена будет немалая. Любовь Илларионовна немного задумалась и назвала цену. Цена была очень высокая – триста рублей. Такая цена просто расстроила бабушку, а Жора улыбнулся и сказал только одно слово:

– Берём!

Он, за время своей работы, успел собрать и отложить ту часть своего заработка, которая у него оставалась после того, что он отдавал бабушке, в общей сложности около пятисот рублей. Он был просто счастлив, что его мечта сбылась, а в это время Любовь Илларионовна, закрыв глаза, говорила, как бы вспоминая:

– Эти украшения побывали на балах, в театрах и на вечерах, которые проходили в нашем поместье. А вы знаете, где была наша усадьба? – открыв глаза, спросила она. – А ведь она сохранилась и до сих пор стоит на том же самом месте, где я провела своё детство. Но теперь она уже не та, какой я её помню. Иногда я прихожу и сажусь на заветную скамейку, которая у пруда, между двумя вязами, закрываю глаза и как бы снова ухожу в прошлое, моё молодое и счастливое время. Одно только меня радует, так это то, что наш двухэтажный дом, с белыми колоннами, служит детям, которые больны туберкулёзом.

– Так это ваша усадьба, где детский туберкулёзный пансионат?! Что ж! Это прекрасно, что ваше бывшее поместье служит такому благородному делу, – сказала Дарья Ильинична.

Ещё посидев немного, бабушка и Жора собрались уходить. Любовь Илларионовна проводила их и поблагодарила за то, что о ней не забыли. Попрощавшись с хозяйкой дома, Жора с бабушкой шли не спеша, и всю дорогу обсуждали свою удачную покупку, а когда они подошли к своему дому, то на дворе уже сгустились вечерние сумерки. Быстро поев, Жора переделся в рабочую одежду и пошёл снова на железную дорогу, чтобы пару часов поработать, а бабушка, как всегда, села за швейную машинку. Она всегда работала, до тех пор, пока не приходил её любимый внук. Так было всегда, а в этот раз Жора пришёл почти под утро, мокрый и усталый. Всю ночь шёл снег, а он и другие рабочие, несмотря на снег, разгружали какие-то очень тяжёлые ящики. Разгрузка шла под пристальным наблюдением военных. Бабушка нагрела воды, приготовила, что покушать, а когда зашла в комнату, где был Жора, то увидела, что он, сидя за столом, спит. Она решила его не тревожить, пока он сам не проснётся. Прошло не более часа, Жора проснулся, перешёл на кушетку, лег, и снова, не раздеваясь, уснул, а бабушка тихонько сняла с него обувь и, прикрыв его одеялом, снова села за машинку. До Нового тысяча девятьсот сорок первого года оставалось всего три дня.

Проснулся Жора в десятом часу, ярко светило солнце, в лучах которого искрился снег, и резвились вездесущие воробьи и снегири. Когда вошла бабушка, Жора уже снимал свою рабочую одежду, затем пошёл на кухню, где бабушка нагрела воду, умылся и сел за стол. Вместе они позавтракали, и Жора начал собираться в баню, которую он посещал каждое воскресенье. Ведь в домах не было водопровода, а тем паче, душа и ванны. Большая часть населения города мылась в городской бане. Это было небольшое, деревянное, дореволюционное строение, которое функционировало всего четыре дня в неделю. Суббота и четверг – мужские дни, а пятница и воскресенье – женские дни. В бане всегда были большие очереди, и на это мероприятие тра-

тилось много времени. Жора купил билет и пошёл в зал ожидания, где было много народа, а к дверям, ведущим в предбанник, выстроилась очередь. Вдруг, почти от самых дверей, послышался громкий голос:

– Где ты ходишь?! Скоро очередь пройдёт, а ты об этом и не думаешь! – Сёмка говорил громко, чтобы все слышали и знали о том, что он занимал очередь и для своего друга.

– Чего кричишь? Успею! – подходя, говорил Жора. Он встал в очередь впереди Сёмки и вскоре они оказались в предбаннике, быстро разделись и пошли в моечное отделение, где были «шайки», душ и парная. Парились, с веничком, который принёс Жора. Он каждое лето заготавливает берёзовые венички, сушит их на чердаке, а зимой парится ими, делясь со своим другом. Помывшись, оделись и, выйдя на заснеженный двор бани, немного постояли, затем сказав друг другу: – «пока, до вечера», – разошлись.

Придя домой, Жора попросил бабушку посоветовать ему, как вручить новогодние подарки. Бабушка рассмеялась и сказала:

– Просто! Придешь, поздравь с наступающим Новым Годом и вручи подарки.

– Попробую! Как уж получится! – ответил Жора.

К вечеру – а вечер в это время года наступает рано – Жора взял коробочки и пошёл к Люсе, всю дорогу обдумывая, как вручить эти подарки, которые никогда никому не дарил и не вручал. Так ничего и не придумав, постучал в дверь, которую открыла Люся, как видно, поджидая его прихода. Поцеловав Люсю и, войдя с ней в прихожую, сразу же спросил:

– А где мама–Сима?

– Я тут! – послышался её голос и Жора, не раздеваясь, вместе с Люсей вошли в комнату, и почти одновременно с ними появился Сёмка.

– Дорогие мои! – произнёс Жора, обращаясь ко всем сразу. – Поздравляю вас с наступающим Новым Годом! Желаю всем вам счастья, здоровья и долгих, долгих лет жизни! А также я хочу подарить вам на память вот это!

Он достал из кармана куртки две коробочки и положил их на стол. Люся с мамой переглянулись и предложили сначала снять ему верхнюю одежду, а то, ведь, как зашёл, так и стоял в куртке и в шапке. Люся с Жорой вышли в прихожую, где он повесил одежду на вешалку, и они снова вернулись в комнату, где мама–Сима и Сёмка сидели за столом и о чём-то говорили, поглядывая на коробочки, лежавшие на столе. Видимо, их смущала царская корона и двуглавый орёл, которые сразу же бросались в глаза.

Жора и Люся сели за стол, рядышком, а мама–Сима напротив них. Длинная коробочка, напоминающая небольшой пенальчик, при нажатии кнопки, которую нажал Жора, открылась, и он вынул из неё ожерелье, держа за края цепочки. Мама–Сима, увидев его, смогла произнести только: «Какая прелесть!». А Люся смотрела на сверкающее в лучах электрического света ожерелье и не могла произнести ни единого слова. Она была просто очарована красотой этого ювелирного чуда, а Сёмка, склонив к плечу голову, просто наблюдал за всем тем, что происходит вокруг.

– Это тебе, Люсенька! – сказал Жора и положил ожерелье возле неё. – А это... – он открыл коробочку с брошью и со словами: – А это вам, мама–Сима, – положил перед ней свой подарок.

– Спасибо Жора! Спасибо, дорогой! – сказала мама–Сима взяла коробочку, вынула брошь, посмотрела и, со словами: «Прекрасная вещь!» – положила её снова на прежнее место.

– А это тебе, Сёма! Прими мой скромный подарок, – Жора достал из кармана авторучку ручной работы и протянул её другу.

Все почему-то молчали, как видимо, были шокированы такими дорогими подарками. И тут мама–Сима, одновременно с Люсей, стали благодарить Жору, высказывая своё восхищение и удивление о том, где можно было достать эти дорогие, старинные украшения. Мама–Сима сказала, что такие вещи можно приобрести только в ювелирном магазине и то едва ли такое

можно приобрести там, а в простых магазинах таких вещей вообще нет и, глядя на Жору, спросила:

– Какая же тайна скрывается за всем этим?

– Да никакой тайны нет! – ответил Жора. – Всё очень даже просто.

И он начал рассказывать всю историю данной покупки.

– Я никогда никому ничего не дарил, да и мне тоже, а тут я всё хожу, задумавшись над неразрешимой задачей. Однажды я сидел дома, пригорюнившись, и бабушка спросила, что меня беспокоит, и я ей сказал, что хочу на Новый год подарить подарок девушке, с которой дружу и... – тут Жора помолчал, набираясь смелости, чтобы сказать: «люблю», но так и не произнёс, это слово, а сказал: – и для её мамы.

И он, до мельчайших подробностей, рассказывал, как всё было, не забыв упомянуть слова хозяйки этих вещей, что они побывали на балах и званых вечерах в Санкт-Петербурге, что их подарил её прадедушка, прабабушке и, о том, что у них была усадьба, подаренная прадедушке самим императором, и то, что в настоящее время, в бывшей их усадьбе находится детский туберкулёзный пансионат. Об одном он только промолчал, так это о цене, хотя рассказал, откуда появились деньги на эту покупку. А когда Жора закончил свой рассказ и замолчал, мама–Сима встала, подошла к нему и поцеловала его и, потом, прижала его голову к себе и сказала: «Спасибо тебе! Большое спасибо!». И, снова поцеловав его, вышла на кухню. Она почему-то всплакнула, видимо, от счастья, что у неё уже взрослая дочь и что у неё есть такой хороший и преданный друг, а когда она снова вошла в комнату, то Сёмки там уже не было, а Люся с Жорой целовались. Вернее, целовала Жору Люся и после каждого поцелуя повторяла: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!». Мама–Сима стояла в дверном проёме, счастливо глядя на них, а целующиеся её не замечали, продолжая целоваться. Но тут вошёл Сёмка и предложил пойти в школу, чтобы помочь наряжать новогоднюю ёлку и зал к балу-маскараду. Все начали собираться, кроме мамы, которая тоже готовилась к встрече Нового года, готовя дома то, что должно будет появиться на праздничном столе.

До школы было всего-то десять–пятнадцать минут ходьбы и, когда они подходили к школе, то увидели освещённые окна, в которых мелькали силуэты тех, кто был там. В зале была установлена высокая ёлка, почти до потолка, но ещё не была украшена. Люся, Сёмка и Жора тут же включились в работу. Сёмка красил электрические лампочки для гирлянд, Жора натягивал и прикреплял снежинки под потолком, а Люся нанизывала ватные шарики на толстые белые нитки, которые и создавали иллюзию падающего снега. Другие развешивали на стенах плакаты со смешными рожицами и стишками. В общем, всем хватало работы, и она выполнялась с большой охотой и с какой-то радостью и энтузиазмом. Никто не подгонял и не заставлял, всё шло само собой. Расходились в десятом часу, когда всё было сделано, и ёлка осветилась разноцветными огнями. Полюбовавшись, Люся, Жора и Сёмка, одевшись, вышли на улицу, где чувствовался небольшой морозец, под ногами поскрипывал предновогодний снежок, а на душе было тепло и весело, наверное, из-за того, что были молоды и что на свете есть кристально чистая дружба и... они боялись произнести вслух, всем известное слово: «Любовь». Когда подошли к калитке, то постояли немного, поговорили, пошутили, насмеялись вдоволь и Жора начал прощаться. Сёмка проскользнул в калитку, оставив Люсю и Жору вдвоём, но вскоре и Люся вошла во двор, сказала, что Жора спешит домой и на работу.

– Я говорила ему, чтобы бросил ходить на погрузку и разгрузку вагонов, но он ответил мне вопросом: – «А кто будет помогать бабушке?». Я всё больше и больше убеждаюсь, что он чудесный парень, а друг, так и говорить нечего!

С этими словами они вошли в прихожую, где сняли верхнюю одежду, повесив её на вешалку, и вошли в комнату, где за столом сидели отец и мать, а перед ними лежали коробочки с Жориными подарками.

– Присаживайтесь, детишки, к столу, нам нужно, сообщая кое-что обсудить, – сказала мама–Сима. – Тут папа, которому я всё рассказала, показав ожерелье, брошку и авторучку, выслушав меня, предложил подарить Жоре тоже новогодний подарок.

– И, к примеру, какой? – спросила Люся.

– Ты помнишь папин бостоновый костюм, который он сшил себе ещё тогда, когда мы были на Дальнем Востоке? И который он всего два раза надел, а когда решил надеть в третий раз, то ни брюки, ни пиджак, на нём не сходились, и мы тогда все смеялись, что папа так растолстел? С тех пор он его не носит. А ведь Жора одного роста с папой. Вот мы и решили подарить ему этот костюм и рубашку с галстуком. Ну, так, как вы на это смотрите? Одобрите или нет?

Люся всплеснула руками и громко воскликнула:

– Вот здорово! Так это же, ведь, чудесно!

И Сёмка тоже высказал своё мнение:

– Я знаю, я уверен, что такой подарок его обрадует!

Так и решили, что, как только завтра придёт Жора, вручить ему этот новогодний подарок. Все были рады этой идее, Люся и Сёмка благодарили своих родителей, заранее радуясь за своего общего друга. Вопрос был решён, и все отправились на кухню поужинать. До Нового года оставалось два дня.

Жора пришёл в пятом часу вечера и объяснил столь поздний приход тем, что он помогал бабушке, которая тоже готовится к встрече Нового Года. Он ей во всем помог: и в покупках на рынке, и в разделке мяса для холодного, а также при приготовлении хрена к холодному и многом другом.

– Вот, вот! Нам тоже нужна твоя помощь! – сказала мама–Сима. – У нас тоже варится холодное, а к нему нужно приготовить хрен, а также натереть редьку, чтобы успел выветриться её неприятный запах. Если тебя это не затруднит, то включайся в наш поварской коллектив!

– Итак! – обратился ко всем сразу Сёмка. – Вы как хотите, а мы с Жорой пойдем в мой «спортзал», или, как выражаются некоторые, – он посмотрел на Жору и продолжил: – «сарай», и там натрем корешки хрена и чёрную редьку, не взирая на то, что там холодно, но зато в доме не будет того запаха, который напоминает...

Он не сказал, что напоминает, а расхохотался, и так заразительно, что смеяться начали все, и под этот смех Жора и Сёмка удалились выполнять мамино задание. А когда всё было сделано, Люся, Жора и Сёмка собрались и пошли на каток, который находился на городском стадионе. Покатались до девяти часов и вернулись домой, где мама–Сима и Григорий Яковлевич приготовили ужин. Поужинав и убрав со стола посуду, мама–Сима вышла в соседнюю комнату и возвратилась, неся на вешалке костюм и рубашку с галстуком. Все притихли в ожидании того, что она скажет, а сказала она очень просто, обращаясь к Жоре:

– Мы все тебе благодарны за твои новогодние подарки и, в свою очередь, решили подарить тебе тоже новогодний подарок – вот этот костюм и хотим, чтобы ты его примерил.

– Большое всем вам спасибо, дорогие мои!.. – сказал Жора.

Он хотел ещё что-то сказать, но не находил нужных слов, и в это время Сёмка взял его за руку и предложил ему пойти и примерить костюм, чем и выручил своего друга. Жора взял костюм, который передала ему мама–Сима, и пошёл вслед за Сёмкой. Через десять минут Жора появился в дверях комнаты и остановился. Все глядели на него, не произнося ни единого слова.

– Ну, как?! – спросил Сёмка, вынырнув из-за спины своего друга. – Хорош?!

Мама–Сима подошла и поцеловала Жору, который стоял, не зная, что ему делать. Григорий Яковлевич тоже подошёл к нему, попросил повернуться спиной, посмотрел с боков, бросил взгляд на длину брюк и, засмеявшись, сказал, что костюм как будто на него и сшит, словно и мерку с него снимали, и пожал ему руку, как равному. Люся сказала, что он должен завтра прийти на школьный новогодний бал-маскарад в этом костюме и при галстуке, которого Жора

никогда не носил, и он просто ему мешал, но он согласился и ещё раз сердечно поблагодарил всех за такой дорогой подарок. Все были довольны и рады, что сумели угодить такому статному и красивому парню.

Домой Жора пришёл поздно, но бабушка его ждала с ужином, и пока она хлопотала у стола, он тем временем разворачивал пакет, в котором был костюм, чтобы показать бабушке, какой ему вручили новогодний подарок. Бабушка была в восторге от такого подарка и радовалась за своего любимого внука, что ему посчастливилось подружиться с такими хорошими людьми, как Люся, Сёмка, мама–Сима и Григорий Яковлевич. Ведь Жора, с тех пор, как сблизился с ними, изменился к лучшему, что её очень радовало. А сама она подружилась с Любовью Илларионовной, которая стала её посещать, чем сглаживала однообразие её и своей жизни. До Нового Года оставался один день. Поужинав, Жора поблагодарил бабушку, и пошёл ложиться спать, с надеждой, что завтра у него будет самый прекрасный новогодний вечер в его жизни. С этой надеждой он крепко уснул и проспал до самого утра, без сновидений, и утром встал отдохнувшим и бодрым. Солнце светило в окно, будучи ещё низко над горизонтом, снежок искрился в его лучах, а на сердце было спокойно и радостно, как никогда раньше, до встречи с Люсей и её семьей.

В четыре часа он пришёл к Люсе, где шла полным ходом подготовка к школьному бал-маскараду и к выступлениям в концертной программе. Весь новогодний вечер был рассчитан по часам: концерт с шести до восьми, бал–маскарад с восьми до десяти. Это ограничение во времени было необходимо, чтобы все успели возвратиться домой и в своей семье встретить новый тысяча девятьсот сорок первый год.

Жора пришёл в костюме и галстук, а поверх была надета его бессменная куртка и шапка-ушанка. В прихожей он снял верхнюю одежду, повесил её на вешалку и вошёл в комнату. В костюме и галстук он выглядел элегантно и старше своих лет.

В школу Люся, Жора и Сёмка пришли пораньше, чтобы успеть переодеться, привести себя в порядок. А Сёмке необходимо было подготовиться к выступлению, так что они с Люсей пошли на сцену, а Жора занял два места в зрительном зале и сам сел, устроившись в третьем ряду. Зал постепенно заполнялся, все рассаживались, разговаривая друг с другом, часто слышался смех, и всё это сливалось в единый шум большого помещения. Ровно в шесть часов перед занавесом появился директор школы, поздравил всех присутствующих с наступающим Новым Годом, пожелал счастья, радости в жизни каждого и успехов в учёбе.

Концерт открывал школьный хор, затем шёл номер за номером, и вскоре объявили Сёмкин выход. Акробатические номера Сёмки прошли на «ура». После каждого номера, а в некоторых и во время исполнения номера, раздавались аплодисменты. После своего выступления Сёмка прибежал в зал и сел возле Жоры, вскоре объявили Люсин выход. Она вышла в длинном вечернем платье, с неглубоким декольте, на котором красовалось, переливаясь разноцветными цветами радуги, ожерелье – Жорин новогодний подарок. Под аккомпанемент фортепиано она пела песню на слова Я. Шведова, музыку В. Белова «Орлёнок». Её от природы поставленный голос плыл в притихшем зале, завораживая всех сидящих в нём. Она пела, глядя только на одного, дорогого ей человека, который сидел рядом с её братом, как бы даря ему свою песню, а когда в ней прозвучали слова: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в шестнадцать мальчишеских лет», то все заметили слезинку, которая скатилась по её щеке. Аплодисментами взорвался зал, когда прозвучал последний музыкальный аккорд песни. Люсю вызывали несколько раз, не отпускали. И она снова, с большим успехом, исполнила народную песню «Родина». Выходя на поклон, она видела аплодирующий зал, Жору и Сёмку, которые не жалея ладоней, неистово аплодировали и выкрикивали: «Браво!».

Скрывшись за кулисами, Люся вышла в коридор, пробежала к лестнице, спустилась на первый этаж и прошла малый зал, чтобы подняться на второй этаж и пройти в зрительный зал, где продолжался концерт, но вдруг была остановлена в полутёмном коридоре подвыпив-

шей «борзой тройкой». Все трое, они окружили её, а Грынька, дыша водочным перегаром ей в лицо, полез целоваться. Она оттолкнула его и хотела убежать, но Грынька ухватил за кромку декольте, рванул и разорвал платье, а Володька и Аркадий стали подталкивать её в темный угол коридора. В этот момент Соня, подруга Люси, спускаясь со второго этажа, увидела Люсю, окружённую «борзой тройкой», бросилась назад, наверх, прибежала в зал, нашла Сёмку и Жору и рассказала, что она видела. Жора и Сёмка, вместе с Соней, побежали в коридор и в одно мгновение оказались возле распоясавшейся паршивой тройки. Жора оттащил Грыньку от Люси, которая никак не могла отбиться от него и плакала, а Грынька полез на Жору с кулаками, и тут молниеносный удар Жориного «тычка» отбросил Грыньку к противоположной стенке коридора, по которой он сполз на пол с окровавленной физиономией. Аркадий бросился ему помогать, и в этот момент, закричала Соня: «Берегись, Жора!». Оглянувшись, он увидел Володьку, который шёл на него с ножом.

Жора успел перехватить руку с ножом и повернул её так, что нож выпал, а Володька завопил и тоже отлетел в угол от Жориного удара. Люся плакала, прикрывая рукой разорванное платье, Сёмка обнял её за плечи и успокаивал, а в коридоре уже собралось немного молодежи, которая прибежала на шум драки, и с ними пришёл директор школы, которому Соня подробно рассказала, что здесь произошло. Кто-то сказал, что надо вызвать милицию, но директор не хотел огласки инцидента, и не хотел, чтобы в нём фигурировала Люсиная фамилия, да и престиж школы тоже был небезразличен ему, и он ответил, что милицию вызывать не будет, а завтра подпишет приказ об исключении этих хулиганов из школы. Все начали расходиться, рабочие школы вытолкали Грыньку, Аркадия и Володьку, у которого была разбита бровь, на улицу. А Люся, Жора и Сёмка спустились в подвал, где находился гардероб, переоделись, Сёмка взял сумку, в которой лежал реквизит и маскарадные костюмы и пошли домой. Новогодний вечер был испорчен, но они были вместе, и это сглаживало обиду за произошедшее. Домой пришли в восьмом часу, до Нового года оставалось четыре часа, стол был уже накрыт, а мама–Сима всё добивалась, почему они пришли так рано и, что случилось, что они такие расстроенные.

Рассказывала Люся, а Жора и Сёмка молчали. Мама–Сима была в ужасе от её рассказа, а потом подошла к Жоре и, обняв его за плечи, сказала:

– Спасибо тебе, что ты защитил Люсю от этих мерзавцев!

– Да, ничего! – ответил он. – Ведь иначе и не могло быть!

Вскоре пришёл Григорий Яковлевич, а за ним и Василий Иванович с Галиной Владимировной, и с ними её племянник Сергей, со своей невестой Валентиной, которые пришли с баяном. Оказалось, что Сергей хорошо играет на этом инструменте, а Валя хорошо поёт, так что Новый год было с кем и с чем встречать. Как и полагалось, проводили Старый год, пожелав, чтобы все беды и невзгоды остались в нём. Выпили по паре рюмочек вина, а кто и водочки, а вот Жора, чокаясь со всеми, пил только ситро. Побалагурив, спели несколько общих русских и украинских песен, немного потанцевали под звуки баяна и, как говорится, не успели, и оглянуться, как пришло время снова садиться за стол, встречать Новый год. Расселись, наполнили рюмки вином и, не отрываясь, глядели на часы, где стрелки медленно приближались к двенадцати. Наконец, они сошлись и все одновременно закричали: «С Новым годом!».

Выпили, расцеловались, поздравляя друг друга с наступившим годом, обмениваясь самыми лучшими пожеланиями и надеждами, которые должны сбыться в этом году. Танцевали, веселились. Валентина спела частушки, Люся исполнила арию Наталки из оперы Лысенка «Наталка–Полтавка». С большим задором она, подойдя к Жоре, пропела: «Коло мэнэ хлопци вьются и за мэнэ часто бьются, а я люблю Пэтра дужэ, до других мэни байдуже». Но вместо имени Петра она пропела имя Жоры. А Григорий Яковлевич, у которого оказался очень приятный «бархатный» баритон, спел романс «Гори, гори, моя звезда». Все притихли и, как зачарованные, слушали, как бы впитывая в себя чудесную мелодию в прекрасном исполнении, а когда прозвучал последний аккорд, все зааплодировали со словами: «Браво!». А когда

наступила тишина, мама-Сима предложила пройтись в центр города, полюбоваться Новогодней ёлкой, подышать свежим новогодним воздухом и, по возвращению, снова сесть за стол. Все согласились и начали собираться. На улице была прекрасная погода. По мере приближения к центральной части города всё чаще встречались гуляющие горожане, а когда пришли на центральную площадь, где высилась, играя разноцветными огнями, высокая красавица-ёлка, то там уже было много народа. Многие пришли большими компаниями, с баянами и гармошками, пели, плясали, веселились, радуясь наступившему Новому тысяча девятьсот сорок первому году. Вся площадь и ёлка были залиты ярким светом больших прожекторов, которые были установлены на крышах высоких зданий, и каштановый сквер, весь серебряный от пушистого снега, играл под лучами прожекторов всеми цветами радуги. Всё было красиво и празднично. Погуляв полчаса и насмотревшись, как веселится молодежь и пожилые люди, радуясь этому чудесному празднику, мама-Сима предложила вернуться туда, где ждёт их осиротевший праздничный стол. Накрывали стол все, ведь это был «сладкий» стол! На нём появился рулет с маком, бисквитный торт, клубничное варенье и коробка шоколадных конфет. Все были в восторге от этих сладостей!

В шесть часов утра гости, поблагодарив хозяев за чудесно проведённое время, за прекрасный, праздничный стол, распрощались. А хозяйева, и вместе с ними Жора, перенесли всю посуду в кухню, где приготовили горячую воду, и мама-Сима, вместе с Григорием Яковлевичем и Сёмкой, занялись мытьем. Мама-Сима мыла, отец с сыном вытирали и расставляли посуду по местам, а Люсе и Жоре в этом занятии было отказано, и они перешли в комнату, где отмечали встречу Нового года, где был полумрак и, усаживаясь на диван, Люся попросила Жору рассказать о себе.

– Ты знаешь, – обратилась она к нему. – Вот мы уже не первый день знаем друг друга, встречаемся, а о тебе я почти ничего не знаю. Ты, как бы, для меня так и остаёшься до сего времени загадкой.

– И Жора начал рассказывать о том, о чём никогда и никому не говорил:

– Родился я в Забайкалье, в небольшом городке, где находился полк, в котором служил мой отец. Когда мне исполнилось четыре года, папу перевели на Украину, под Полтаву, а потом весь двадцать первый полк был передислоцирован в этот город, и мы с мамой тоже вскоре переехали сюда, где папа продолжил свою службу. Нам дали квартиру, а самое главное это то, что здесь жила бабушка – мать моего отца. Отец мой очень любил мою маму, которой многое позволял и старался многое не замечать, а мама любила шумные компании и частые застолья. У неё было много знакомых, а папа всегда приходил поздно с работы, да и его присутствие, почему-то, её не очень радовало. Она была красива и за ней многие из её знакомых ухаживали, а это ей очень нравилось. Мне было без трёх месяцев семь лет, когда папа уехал на неделю в Киев, на совещание, а мама отвела меня к бабушке, а сама, собрав свои вещи, уехала с одним из своих поклонников, оставив записку: «Я встретила другого, не ищи, я ушла навсегда».

Вечером мы с бабушкой пришли к нам домой и бабушка, прочитав эту записку, забрала меня к себе, пока не приедет отец, а сама почему-то была очень расстроена и украдкой вытирала слезы. Я ничего не понимал, а бабушка ничего не говорила. Отец приехал через два дня и сразу же пришёл к бабушке, держа в руке мамину записку. Прямо с порога он произнёс только одно слово: «Ушла!». И опустился на стул, который стоял возле двери. Домой я ушёл вместе с отцом, которого очень любил. Жили мы одни, квартира казалась пустынной и неудобной. Отец начал пить и чем дальше, тем чаще, приходил пьяный, почти ничего не ел и часто плакал. Спасибо бабушке, которая варила еду и обстирывала нас. На работе у отца, на почве пьянки начались неприятности, вскоре его уволили и отправили в запас, и он остался без работы. Но, благодаря ещё оставшимся связям и знакомым, он устроился на завод сменным мастером, но пить не перестал, несмотря на просьбы и слёзы бабушки. В пьяном состоянии он часто вспоминал маму и, большей частью, ругал и проклинал её и тот день, когда её встретил. Слушая

его, я начинал убеждаться, что все женщины, кроме моей бабушки, и все девчонки созданы только для бед и несчастий на белом свете, и что их нужно остерегаться и обходить стороной. Впоследствии это привело к тому, что я обходил стороной девчонок и пренебрегал их обществом, до тех пор, пока не встретил тебя. На последних словах он обнял её, и они рассмеялись. Помолчав немного, Жора продолжил свой рассказ:

– На работе отец не пил, а как только выходил за пределы завода, вместе со своими собутыльниками выпивал и приходил домой пьяным. Однажды, после второй смены и после того, как хорошо выпили, вместе с двумя рабочими шёл домой. На улице была ночная темень. Шли они по дороге и не заметили, как из-за угла на большой скорости выскочила машина; те двое, которые шли с отцом, успели отскочить, а отца машина сбила и переехала обе ноги. Падая, он ударился о камень головой и сильно повредил её. Домой его принесли без сознания. В квартиру пришли соседи, кто-то побежал за доктором и бабушкой, она прибежала почти одновременно с врачом, но было уже поздно – папа был мёртв. Хоронили отца с воинским оркестром и солдатами. Народа было много. Я стоял с бабушкой недалеко от могилы, она держала меня за руку и всё время плакала, а когда стали опускать гроб в могилу, прозвучали три винтовочных залпа и заиграл оркестр, я вырвал свою руку и бросился к могиле, сильно закричал и упал, а что было потом, я не помнил. Очнулся я в больнице, возле меня сидела бабушка, в черном платке и, как мне показалось, очень худая и бледная, а когда она увидела, что я открыл глаза, она очень обрадовалась, позвала медсестру, сообщив, что я очнулся. Оказывается, что я не приходил в сознание более двух суток. Медсестра спросила меня, как я чувствую себя, я силился ответить, но ни единого слова произнести не мог. Я всё слышал, но говорить не мог. И так продолжалось почти два года. Что только не делали, к каким только врачам меня не водили, какие только бабки меня не лечили, ничего не помогало. Дети со мной не хотели играть, а только дразнили, а я их за это колотил почём зря.

Однажды бабушке посоветовали отвезти меня к деду–лекарю, который жил далеко в лесной избушке и славился умением врачевать. Поехали мы к деду. Ехали долго и далеко, дед послушал, что рассказала ему бабушка, осмотрел меня, заставил покашлять, вдохнуть и, с шумом выдохнуть, похлопал меня по спине и сказал, чтобы я одевался, а бабушке сказал, что никакие лекарства не помогут, а поможет только большой стресс, какой у меня произошёл во время похорон. «Придёт время, заговорит!» – вот так ответил нам этот дед–лекарь, денег не взял, а к врачам посоветовал не ходить. Время, мол, само вылечит. Уехали мы, как говорится, ни с чем. Лето было жаркое, даже дожди и те не приносили прохлады. Прошло где-то с месяц–полтора, как мы возвратились от деда, а я всё не говорил. Однажды ночью я проснулся и увидел в окне громадные языки пламени и бегущих с вещами людей. На улице была ночь, но пламя освещало всю большую часть нашего двора, и мне показалось, что горит наш дом. Я очень испугался и бросился в комнату, где спала бабушка.

Открыв двери, я громко закричал: «Бабушка! Пожар!». Меня всего трясло, а бабушка быстро встала с постели, набросила на себя платок и побежала на кухню, из окна которой были видны языки пламени, посмотрела в окно, затем повернулась ко мне и спросила: «Ты что-то сказал?». «Да», – ответил я. Бабушка обняла меня, поцеловала и всё просила, чтобы я ей ещё что-нибудь сказал, и я сказал: «Бабушка, бежим быстрее, тушить пожар!». С этого момента я снова начал говорить, а в школу пошёл только тогда, когда мне исполнилось десять лет, то есть на два года позже. Вот почему я в свои семнадцать лет не в девятом, а в седьмом классе. Шесть лет я учился в школе, которая находится возле вокзала, а в седьмой класс перевёлся в ту, которую хожу сейчас. Вот и вся история, а остальное ты уже знаешь.

В дверях показалась мама–Сима.

– Ну что, детки, пора и отдохнуть после праздника! – сказала она и рассмеялась.

– Да, да! И мне пора домой! – сказал Жора, поднявшись с дивана. Люся проводила его и пошла к себе в свою комнату.

День за днём таяли новогодние каникулы. За это время Люся познакомилась с Жориной бабушкой и с Любовью Илларионовной. Вместе с Люсей побывали у Дарьи Ильиничны мама–Сима и Сёмка. В дальнейшем эти посещения переросли в семейную дружбу. В последний день каникул ходили на каток, вечером побывали в кино, а на завтра снова сели за парты. За время каникул Люся, Жора и Сёмка ни разу не встретили, ни Грыньку, ни Володьку, ни Аркадия. И только в школе, из уст Люсиной подруги узнали, что Грынька и Володька сидят в городской тюрьме за ограбление квартиры и всех троих исключили из школы. Они и раньше занимались воровством, но ни разу не попадались, а в этот раз, когда они проникли в чужую квартиру, то соседка увидела и позвонила в милицию, тут их и поймали, как говорят: «на горячем». Судили и дали по два года тюрьмы. Так что они отбывают свой срок. Но, несмотря на то, что в школе уже не было «борзой тройки», Жора и Сёмка всегда после уроков сопровождали Люсю домой. Так и прошли незаметно январь, февраль и март. В апреле заболела Жорина бабушка и он, чаще всего, после уроков спешил домой. Мама–Сима ежедневно ходила к ним, делала уборку, готовила и ухаживала за Дарьей Ильиничной. Одновременно с мамой–Симой приходила к больной и Любовь Илларионовна, они вдвоём и ухаживали за Жориной бабушкой, пока не поставили её на ноги. А Жора и Сёма за это время вскопали огород, который находился во дворе, а также вскопали небольшой огородик на дне оврага, для тёти Любы, так они теперь называли Любовь Илларионовну.

Все школы города и сам город готовились к проведению Первомайского праздника, который вот-вот наступит и расцветёт радугой весеннего торжества. Улицы украшались транспарантами, лозунгами, портретами руководителей государства и передовиками производств города, а на центральной площади сооружалась трибуна.

Утро Первомая проснулось под звуки музыки, песен, солнца и тепла. Люся, Жора и Сёмка, нарядно одетые, весёлые и счастливые, с воздушными шариками направились в школу, чтобы принять участие в парадном шествии по центральным, празднично украшенным улицам, а когда они пришли, то школьный двор был уже полон молодёжи. Вскоре началось построение колонны, были розданы флаги, портреты и плакаты, впереди колонны встали музыканты школьного оркестра. Александр Николаевич подал команду и, под звуки марша, колонна двинулась в сторону центральной площади города. Праздничное настроение заполнило город и живущих в нём людей. Цветы, песни, музыка, всё слилось в живой поток, проплывающий мимо трибуны, откуда неслись приветствия и здравицы. После парада Люся, Жора и Сёмка, стоя недалеко от городского стадиона, лакомясь мороженым, обсуждали дальнейшие свои планы, и тут Сёмка предложил пойти к реке, мол, там сегодня будут сдавать в эксплуатацию новый мост – будет торжественная часть и концерт, а вечером можно сходить в парк на танцы. Все согласились и направились в сторону реки. Улицы были полны гуляющими горожанами, и они медленно, но уверенно, продвигались вперед, а когда спустились с горы и подходили к мосту, то увидели, что там уже собралось много народа, но это их не остановило, а наоборот, подзадорило. На мосту из двух автомашин была организована импровизированная сцена, где уже сидели оркестранты, и выступал оратор.

Протиснувшись в толпе, они остановились возле своего учителя немецкого языка, держащего за ручку белокурую девочку, которая никак не могла устоять на месте, и отец прикладывал немало сил, чтобы удержать её. Торжественная часть продолжалась недолго, и вскоре начался концерт. Выступали приезжие артисты из областной филармонии.

Номер за номером зрители принимали дружными аплодисментами, и после одного из номеров Генрих Людвигович невольно отпустил ручку дочери и стал аплодировать, а она крутанулась волчком, перелезла между перилами и свалилась вниз. Это одним из первых увидел Жора. Он успел сбросить пиджак, туфли и бросился вслед за девочкой. Он летел к воде, вытянув вперед руки и, казалось, что он этим ускоряет своё падение. В воду он вошёл за несколько секунд после девочки. На мосту стояли люди и смотрели в реку, на то место, где только что

скрылись девочка и Жора. В это время в лодке недалеко от берега сидел рыбак и удил рыбу. Увидев падающую девочку и Жору, он бросил в лодку удочки и быстро поплыл туда, где они скрылись. Жора догнал девочку ещё не на большой глубине, подхватил её и начал быстро всплывать. Когда он всплыл, то рыбак уже был рядом. Девочку переложили в лодку и быстро поплыли к берегу, где уже собралось много народа. Генрих Людвигович стоял у самой воды – бледный, с протянутыми руками и со слезами на глазах. Он хотел взять девочку, но рыбак и Жора вынесли её из лодки и начали откачивать, заранее подстелив дождевик, который взяли в лодке. Откачивал её рыбак, а Жора помогал. Видно было, что этот пожилой человек, который один из первых пришёл на помощь после Жоры, со знанием своего дела приводил в чувство это маленькое белокурое создание. После того, как её положили вниз лицом, надавив на животик, изо рта полилась вода, она начала дышать, открыла глазки и заплакала. Все вокруг радовались, а Генрих Людвигович взял её на руки и, прижав к себе, всё время повторял: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!», – обращаясь то к одному, то к другому спасителю своего ребёнка. «Его нужно благодарить! – сказал рыбак, указывая на Жору. – Если б не он, то беды не миновать!». Он подошёл к лодке, оттолкнул, прыгнул в неё и поплыл к противоположному берегу, к тому же месту, откуда недавно плыл на спасение ребёнка. В это время из толпы, которая продолжала ещё стоять, вышла женщина и обратилась к Генриху Людвиговичу и к Жоре, приглашая их пойти к ней домой, там отогреться и просушиться. Все сразу же согласились и последовали за этой доброй женщиной, дом которой находился всего метрах в ста от берега. В доме было тепло, девочку раздели, натёрли спинку и ножки настоем зверобоя и уложили в постель под одеяло, где она согрелась и быстро уснула. Жора тоже переделся в старенькие брюки, которые дала хозяйка, сняв с себя всю промокшую одежду в ожидании того часа, когда она просохнет.

Все присели у стола. Сёмка поставил возле себя Жорины туфли, Люся повесила его пиджак на спинку стула, Жора сел возле неё, а Генрих Людвигович со своим стулом пересел поближе к кровати, где спала виновница всего того, что произошло. Все молчали, как бы всё ещё переживая за то, что уже осталось позади. А Анастасия Ивановна, так звали хозяйку, разожгла утюг, чтобы ускорить сушку мокрой одежды. Молчание нарушил Сёмка:

– А вы видели, как фотограф, который фотографировал оратора на трибуне, всё время щёлкал и щёлкал, фотографируя то, что произошло? Вот было бы здорово посмотреть на фотографии, если у него что-то получилось!

Все молчали, не поддерживая разговора.

Одежда высыхала медленно, но, в конце концов, она просохла и была выглажена гостеприимной хозяйкой. Девочку одевали прямо в постели, она всё время валилась на подушку и никак не могла проснуться, наконец, её удалось одеть. Генрих Людвигович взял её на руки, а она, положив головку на отцовское плечо, продолжала спать. Жора переделался в соседней комнате и появился так же нарядно одетый, как и до прыжка в воду. Все благодарили свою благодетельницу, которая всё время предлагала остаться и пообедать, но все дружно отказались. Ещё раз, поблагодарив за всё хозяйку и попрощавшись, направились в сторону города.

Перешли мост, по которому уже свободно ехали подводы, шли люди, и иногда проезжала автомашина. Поднявшись на гору, прошли немного по центральной улице, остановились у поворота на улицу Пушкина, на которой жил Генрих Людвигович, и начали прощаться. Прощаясь и пожимая руку Жоры он, задержав её в своей, тихим, но каким-то особенным голосом сказал: «Помни, Жора, я твой вечный должник!». У него появились в глазах слёзы, он резко повернулся и зашагал по улице, неся своё сокровище, которое безмятежно спало на его плече. А Люся, Жора и Сёмка пошли сначала к Жоре, чтобы успокоить Дарью Ильиничну, которая, как ранее договорились, ожидает их прихода после парада, чтобы отведать праздничного пирога, а они так долго задержались, что, наверное, бабушка уже очень беспокоится за своего любимого внука и его друзей. Так оно и было.

Когда они вошли в дом, то на столе их уже поджидал пирог, были расставлены стаканы, посреди стола стоял до блеска начищенный самовар, а у стола сидела Дарья Ильинична и Любовь Илларионовна, которые обрадовались приходу тех, кого с нетерпением ожидали.

– Ну вот! – сказала бабушка, – дождались, а то Любовь Илларионовна уже собиралась уходить, не дождавшись вас. Садитесь быстрее к столу!

Бабушка подошла к Люсе, поцеловала и поздравила всех с праздником. И тут все, хотя и с некоторым опозданием, начали поздравлять друг друга с Днем Первомая! Чай пили с пирогом, который не переставали хвалить. Но вскоре они попрощались и пошли успокаивать Люсиных и Сёмкиных родителей, которые тоже заждались, не зная, где они задержались так долго после парада. Люся вошла первая и увидела, что мама–Сима, отец и Василий Иванович с женой сидят за столом и закусывают, как видимо, после провозглашенного тоста. Она остановилась, а из-за её спины послышались голоса: «С праздником, дорогие! Вы что, разве нас не ждали?!» И тут, Григорий Яковлевич поднял голову, посмотрел, улыбнулся и сказал:

– Ожидали, да вот, как видите, не дождались. Давайте быстрее садитесь, а то мы всё уничтожим, что имеется на этом праздничном столе!

Он засмеялся, а Люся, Сёмка и Жора не заставили долго упрашивать себя, сели, выпили по рюмочке вина, кроме Жоры, и принялись за еду, чувствуя, что за весь день очень проголодались. А когда мама–Сима, убедившись, что «дети», как она всех троих называла, успели утолить голод, задала давно мучивший её вопрос:

– А где это вы всё время были, что так долго вас не было? Сначала я обиделась: готовила–готовила, а вас всё нет, да нет! А потом стала беспокоиться. Ну, слава Богу, вы уже дома и надеюсь, что ничего страшного не случилось.

И тут Люся начала подробно рассказывать всё, что с ними произошло. Все перестали есть и внимательно слушали Люсю, а мама–Сима всё повторяла: «Ой, Боже мой! Ой, Боже мой! Какой ужас!». А, когда Люся закончила свой рассказ, все стали хвалить Жору за его самоотверженный поступок, мама–Сима трижды расцеловала его, а Григорий Яковлевич предложил тост: «За Жору, спасителя человеческой жизни!». Расходились где-то в двенадцатом часу ночи. Все были довольны встречей такого тёплого и весёлого праздника, как весенний Первомай.

Праздники проходят быстро, так и этот, а после праздника учащиеся школ снова сели за парты. Пошёл повтор всего пройденного материала за весь учебный год и подготовка к экзаменам. Всё это занимало весьма много времени и для встреч его оставалось так мало, что только успевали встретиться, как приходилось уже расставаться.

Вечером десятого мая Григорий Яковлевич пришёл домой позже обычного и очень расстроенный. Мама–Сима молчала, ожидая, когда он сам расскажет о причине его настроения, и она не ошиблась, он сам предложил ей присесть на диван и выслушать его. Оказывается, пришёл приказ о передислокации полка, в котором он служит, в район города Бреста.

– Ты только не расстраивайся, как только всё устроится, получу, где жить, то сразу же вызову вас, дорогие мои. Думаю, что это продлится недолго, и мы вскоре будем все вместе.

Мама–Сима слушала его, а потом подняла голову, посмотрела ему в глаза, в которых застыла грусть, и тихо спросила:

– И когда же ты уезжаешь?

– Через три дня, – ответил он, обняв её за плечи.

Чувствовалось, что они оба опечалены предстоящей разлукой, особенно в такое тревожное время, какое сложилось на границе у самого Бреста.

В ночь на тринадцатое мая мама–Сима, Люся и Сёмка провожали Григория Яковлевича, стоя в отдалении от эшелона, в который грузили военную технику, лошадей и заполняли солдатами вагоны–теплушки. Провожających было много, все стояли подальше, чтобы не мешать ни солдатам, ни командирам проводить сложную и тяжёлую работу.

Сам эшелон освещался прожекторами, провожающие стояли в полумраке, а когда погрузка уже заканчивалась, то все командиры подошли к своим родным и друзьям, попрощались и быстро вернулись к своим вагонам. Григорий Яковлевич поцеловал свою любимую жену, детей и сказав только одно слово: «Ждите!» – повернувшись, побежал к эшелону.

Вскоре состав тронулся, а люди всё стояли, махая руками, прощаясь со своими близкими и родными людьми, и не расходились до тех пор, пока не скрылись за поворотом красные огоньки последнего вагона. Домой шли молча. Каждый думал о своём, а когда вошли в дом, то мама–Сима, ни к кому не обращаясь, тихо произнесла: «А ведь это надолго!». И пошла на кухню.

Отгуляв праздник Первомай и полуторанедельные майские каникулы, учащиеся средних и старших классов вновь возвратились к школьным занятиям. Когда Люся, Жора и Сёмка пришли первый день в школу, то войдя в малый зал, сразу же обратили внимание на то, что у доски объявлений стоят несколько ребят и девчонок и, что-то читают. А когда подошли ближе, увидели вырезку из областной газеты, где была напечатана большая статья под названием «Он спас человеческую жизнь!» и две фотографии, где Жора летит к воде, вытянув вперёд руки, и вторая, где он уже с девочкой на руках. А рядом со статьёй висел приказ директора школы о вынесении благодарности ученику 7 «Б» класса Жоре Васильеву за его самоотверженный поступок при спасении тонущего ребёнка!

Теперь все Жорины одноклассники старались подружиться с ним, а Люся гордилась своим избранником, хотя старалась не выдавать своих чувств.

Время летело неудержимо. Экзамены были сданы, Люся перешла с отличием по всем предметам в десятый класс, а Жора и Сёмка в восьмой. Все были рады и счастливы, что всё уже позади. Да и Жора быстро собрал все необходимые документы и отослал их в авиационный техникум. Его мечтой было быстрее, как говорится, встать на ноги и вместе с Люсей создать хорошую и крепкую семью. Но время и судьба распорядились по-своему.

Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года Фашистская Германия со всей европейской военной мощью напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, самая страшная, безжалостная, самая кровавая из всех войн, которые знало и переживало человечество, живущее на нашей маленькой голубой планете. Война смешала в один комок все планы и надежды в ожидание чего-то страшного, неотвратимого. И оно пришло!

В начале сентября из города стали эвакуировать заводы и фабрики. Многие жители покидали город и уезжали вглубь страны, а через город шли отступающие советские войска, и было страшно осознавать, что немец вскоре может появиться и в нашем городе. Мама–Сима, Люся и Сёмка, как и большая часть еврейских семей, собирались в дорогу, заведомо не зная, куда и к кому ехать. Через три дня военком обещал всех эвакуировать на одной из машин, принадлежащих горвоенкомату. Вещи были уже почти собраны, когда ночью кто-то постучал в дверь. Первая проснулась мама–Сима, а за ней и Сёмка с Люсей. Мама–Сима, стоя у двери, спросила: «Кто там?» Ей ответил незнакомый мужской хриловатый голос вопросом:

– Это квартира Григория Яковлевича Голдштейна? Я, по поручению Гриши.

Мама–Сима какими-то нервными движениями стала открывать дверь. В дверях появился высокий военный в плащ – накидке и, когда мама–Сима пригласила его войти, то он сразу же вошёл в комнату, остановился возле стола и обратился ко всем.

– К сожалению, я не имею много времени, но я должен, я обязан выполнить то, о чём меня просил Гриша – мой самый верный и близкий друг... – и, не поднимая головы, продолжил: – Наш полк попал в окружение, мы всё время отбивали нападающего врага, но нас становилось всё меньше и меньше, встал вопрос пробиваться из окружения к своим. Мы подошли к небольшому селению, где попали в засаду. Многие погибли, а Гриша был тяжело ранен. Не многим удалось уйти в лес, который был недалеко от села. Гришу я нёс до первого привала. Мы смастерили носилки, на которые его положили, а он поманил меня рукой и попросил, если я

останусь жив, передать планшет с документами семье, то есть вам. А когда мы снова собрались в путь и подошли к носилкам, Гриша был уже мёртв. В этом же лесу мы его и похоронили. И после небольшой паузы он положил планшет на стол, отдал честь, повернулся и пошёл к двери, где остановился, держась за ручку, и тихо, но с какой-то убеждённой уверенностью сказал:

– Вам нужно немедленно уезжать! Через пару дней немец будет в городе.

Он ушёл, а в квартире повисла тишина. Сёмка и Люся стояли, обняв друг друга, а мама–Сима, облокотившись о дверной косяк, стояла белая, как мел, с посиневшими губами и оставившимся взглядом, устремлённым куда-то далеко-далеко, и вдруг медленно стала сползать вниз и, потеряв сознание, упала на пол. Люся бросилась к маме и крикнула, чтобы Сёмка бежал за Василием Ивановичем, и он, как был полуодетым, выбежал на улицу. Не прошло и десяти минут, как Сёмка, Василий Иванович и с ними районный врач, Бася Израилевна, которая жила рядом, вошли в дом. Маму–Симу перенесли и уложили на диван, она всё ещё не пришла в сознание, и Бася готовила всё для того, чтобы вывести её из обморочного состояния, а Люся тем временем положила холодный компресс ей на лоб. Благодаря общим усилиям и после укола, мама–Сима открыла глаза, но была ещё настолько слаба, что даже не могла говорить и только смотрела на всех своим затуманенным взором, а по щекам скатывались крупные слёзы.

В окна уже пробивался рассвет, когда уходили Василий Иванович и, Бася Израилевна. Спать никто не ложился. Люся сварила бульон, которым накормила маму, а сами с Сёмкой поели, что было. Где-то в девятом часу мама–Сима попросила Люсю, чтобы она позвонила в военкомат и спросила, когда будет машина. Люся позвонила, и ей ответили, что военкома пока нет, что машина будет, и чтобы не беспокоились, а, самое главное, быть готовыми к отъезду. Люся и Сёмка по очереди дежурили у калитки, но машина так и не пришла, а через два дня немцы вошли в город, который никем не охранялся и был брошен на произвол судьбы, как многие города Украины.

После того, как вошли в город регулярные части немецкой армии, прибыло подразделение SS и какие-то штатские люди. Сразу же началась организация городской власти. В самом красивом здании, которое находилось на центральной улице города, где раньше располагался горисполком с видом на каштановый сквер, который сажали ещё до революции учащиеся городского реального училища, обосновалось гестапо. В здании бывшего банка – жандармерия, в здании и на территории агротехникума карательный отряд, организованный из местного населения, а также были созданы городская управа, публичный дом и полиция. Но самая интенсивная работа проводилась на окраине города. Там отделили три улицы, которые огородили колючей проволокой, были возведены три наблюдательные вышки с мощными прожекторами, оборудованы ворота с пропускным пунктом, который располагался тут же, возле ворот в одноэтажном доме. Все строения этих улиц перед самой войной подлежали сносу, а вот теперь на этих территориях будет еврейское гетто, о котором пока ещё никто не знал, но это не заставило себя долго ждать. В городе на всех столбах и заборах был расклеен приказ о том, что всё еврейское население обязано явиться (были указаны день и время) на городской стадион, где будет выступать с речью представитель новой власти. А далее шло предупреждение, что, если кто не явится, то будет наказан по закону военного времени! Далее шла подпись. На следующий день, а это была пятница, всё еврейское население города, численностью более трёх тысяч двухсот человек заполнили скамейки стадиона, где на футбольном поле была трибуна с микрофоном. Стадион был наполнен человеческими голосами, но когда за трибуной появился человек в форме «SS», то сразу же наступила тишина. Военный стал говорить, а человек в штатском, который стоял рядом, переводил с немецкого на украинский язык. Суть перевода была такова: ввиду того, что определённая часть украинцев – жителей нашего города – враждебно настроена по отношению к евреям, то могут возникнуть безобразия, которые перерастут в погромы и насилие. На основании этого, городское руководство и немецкие службы поза-

ботились о том, чтобы этого не произошло. И приняли решение, где сказано, что выделена определенная часть городской территории с жильём, куда необходимо всем евреям в течение трёх дней переселиться. Где вы, будете под защитой немецких властей и, через короткий промежуток времени, когда будут готовы железнодорожные составы, то всех евреев перевезут в Польшу, а из Польши в Палестину, где вы все со временем будете проживать на своей родной земле, и никто не сумеет посягнуть на вашу свободу и жизнь. Итак, каждая семья переселяется только своими силами, а кто воспротивится данному приказу и не переедет в указанное место, будет наказан по закону военного времени!

На этом митинг был закрыт, и все стали быстро расходиться, обмениваясь своими мнениями о том, что здесь говорилось, и что наобещали, и верить ли этому или нет. Мама–Сима, Люся и Сёмка шли не спеша, и каждый анализировал всё то, что было услышано на этом «митинге». Вдруг Люся остановилась и произнесла одну – единственную фразу:

– Всё это враки и никуда нас не повезут! Они обещают отправить нас в Палестину, но они это сделать не могут по той простой причине, что Палестина подмандатна Англии, а не Германии, а она с Англией в состоянии войны!

Все молчали, и после небольшой паузы мама–Сима сказала, что тот военный, который принёс страшную весть о гибели папы, был прав! Нам надо было уходить, как уходили другие, а теперь уже поздно, и что будет с нами, одному только Богу известно!

Ещё издали они заметили стоящего у дворовой калитки Жору, который, как видимо, давно поджидает их. И они не ошиблись. Прошло уже более часа, как он ожидает, и был очень рад долгожданной встрече.

– Ну, что там говорили? – с тревогой в голосе спросил Жора.

На этот вопрос никто ему не ответил, и лишь только Люся, взяв его руку, тихо сказала:

– Пошли в дом. Улица не для разговора.

В квартире их встретила непривычная тишина, какая-то пустота, в которой выделялись три больших, потёртых от частых переездов, чемодана и два солдатских рюкзака. Всё это стояло в углу, напоминая о том, что они собирались уезжать, а уехать не смогли. Люся и Жора сели на диван, а мама–Сима и Сёмка – за столом. Все молчали, но Люся снова повторила то, о чём в это мгновение думали все, кроме Жоры, который пока ещё не знал, как решится судьба этих близких и любимых ему людей, судьба которых была ему далеко не безразлична. Сёмка предложил не переезжать, а уходить из города, но все продолжали молчать, а Жора тихо, ни к кому не обращаясь, стал рассказывать о том, что из города через мост никого не пропускают, а тех, кто старается уйти, перебравшись через реку, убивают на месте. Вчера застрелили Ефима Фиршмана, редактора местной газеты. Он хотел перейти реку в районе женского пляжа, так его застрелил один из автоматчиков, которые дежурили на кладбищенской горе. Сейчас из города уйти просто невозможно. Он ещё что-то говорил, но его почти никто не слушал, а мама–Сима, перебив его, сказала:

– Будем переезжать, а там будет видно. Что будет со всеми, то будет и с нами. После того, как я увидела эту массу еврейского населения, которая заполнила весь стадион, я не могу поверить, чтобы их расстреляли! Такого не может быть! А что кроется за всеми их обещаниями, я не знаю, но что-то есть, и это меня пугает и тревожит. Но разве можем мы что-то изменить?! Что ж! Будем переезжать. Да вот как, и на чём?! – она положила ладони на стол и задумалась.

– Я сейчас привезу большой возок, и мы с Сёмой перевезём всё необходимое! – сказал Жора и, поднявшись с дивана, тут же ушёл выполнять то, о чём только что сказал.

Люся тихо плакала, и её никто не утешал, ведь мама–Сима и Сёма чувствовали всем своим существом, что случилось то страшное, неотвратимое, которое принесёт с собой страдания на всю оставшуюся жизнь. Вскоре пришёл Жора и привёз большой возок. Сразу же начали решать, что перевозить раньше, а что потом. Разобрали стол, кровать, аккуратно сло-

жили, а наверх положили три чемодана и два рюкзака, перевязали верёвками, заперли квартиру и пошли в сторону нового места жительства.

Жора и Сёма тащили возок, а мама–Сима и Люся толкали возок сзади. Прошло совсем немного времени, когда они издали, увидели громадную очередь у ворот, ведущую вовнутрь жилого массива. Подъехав, они встали в хвосте очереди и, прождав более двух часов, подошли к воротам, где в углу сидели два эсэсовца и с улыбками на лице выдавали номера, приговаривая: «Биттэ, биттэ!». Получив номера и проехав почти всю улицу, они увидели покосившийся домик, на котором большими цифрами был написан номер их нового жилища.

Вход был с улицы, а вторая половина домика выходила прямо на колючую проволоку. Разгрузили всё то, что было привезено, в квартиру, которая состояла из маленького коридора, комнаты и маленькой кухни с разрушенной плитой. Везде была грязь, паутина, полы во многих местах были прогнившие, воздух был спертый, застоявшийся, и пахло гнилью. Всё говорило о том, что здесь уже давно никто не жил, и само строение пришло в полную негодность для жилья. Мама–Сима и Люся остались с вещами, а Жора с Сёмой поехали за всем тем, что необходимо было ещё привезти.

За три дня всё еврейское население было переселено на отведенный и со всех сторон огражденный колючей проволокой участок города. Ворота закрылись. Везде были полицейские посты, а на стенах домов расклеивались всё новые и новые приказы, где говорилось о том, что на территории устанавливается комендантский час и, что после пяти часов вечера до шести утра хождение по улице запрещено! Человек, появившийся после указанного часа, будет расстрелян! Всем изготовить шестиконечные звёзды и пришить их к своей одежде на грудь с левой стороны! Выход за территорию поселения запрещён! Внутри территории имеются магазины, где всё приобретается за деньги или в обмен на вещи и драгоценности! Вода будет доставляться в цистернах и тоже продаваться наравне с продуктами. Посещение жителей посторонними людьми категорически запрещено! Всё это было указано в приказах, а в конце после слов: «За неповиновение – расстрел!»

Так началась жизнь за колючей проволокой, а в это же самое время за городом в полутора километрах от городского кладбища на месте трёх оврагов, где до прихода немцев мальчишки играли в сыщиков–разбойников, начали проводить работы по расширению и углублению этих оврагов.

Ранним утром Жора оделся, умылся, кое-что перекусил и, взяв небольшой узелок с продуктами, который ещё с вечера приготовила бабушка, пошёл к Люсе, Сёме и маме–Симе, чтобы повидаться с ними, с такими дорогими ему людьми, и помочь им обустроиться на новом месте. Почти у самых ворот ему преградили путь два полицейя. Один высокий, крупного телосложения с широким, отекившим, как видно, от пьянства, лицом и щупленький парень лет семнадцати, оба с карабинами на плечах.

– Куда ползёшь? – спросил мужик, как видно, он был старший. – Что, не видишь, что здесь запретная зона?!

– Да мне необходимо повидать своих друзей, которым я ещё вчера помог сюда перебраться, – объяснил Жора.

– Вот что! Катись-ка ты домой, пока ещё жив, нечего тебе тут с жидами якшаться, а не пойдёшь подобру, то будет плохо! – и мордатый полицейя стал снимать с плеча карабин.

Жоре не оставалось ничего иного, как уйти подальше от этих «стражей порядка».

Он шёл домой и всю дорогу думал, что же произошло?! Что же это такое, что всех евреев изолировали от всех, живущих в городе, и никого не пускают на территорию?! Что же за всем этим кроется? Но он не мог ответить ни на один мучавший его вопрос. Хотя чувствовал, что за этим кроется что-то страшное, которое неумолимо надвигается, как та грозовая туча, которая зарождается далеко у горизонта и, сгущаясь растёт, движется, захватывая всё видимое пространство неба, опускаясь на землю теменью, которую прорезают огненные стрелы молний,

поджигая дома, хлебные посевы, выжигая сотни гектаров леса, сопровождаясь басистыми раскатами грома. Что? Что же всё-таки случилось?!

Он подошёл к своему дому, так и не ответив ни на один из вопросов, которые рождались в его голове, тревожа его.

Открыв ключом входную дверь, сейчас все поставили замки и держали свои дома и квартиры закрытыми, вошёл в прихожую, повесил свою верхнюю одежду на вешалку и вошёл в комнату, где бабушка что-то шила на швейной машинке, а на диване сидела молодая женщина, закинув ногу на ногу, дымя папиросой. Жора остановился, облокотившись о дверной косяк, и поздоровался. Бабушка, продолжая шить, спросила:

– А что это ты так скоро вернулся? Ты что? Поссорился или что другое?

– Да нет, – ответил Жора. Он прошёл в комнату, сел на стул, который стоял недалеко от двери, и тихо сказал: – меня просто не пустили на территорию и прогнали, угрожая оружием.

И он подробно рассказал, что произошло у ворот того места, куда переселили евреев. Молодая гостья, заказчица, бабушкина клиентка, внимательно, не перебивая, слушала Жорин рассказ, а в конце тихо рассмеялась и вдруг как – то сразу стала серьёзной и с какой-то грустью сказала:

– Все они сволочи, убийцы и алкаши! Не обращайтесь, Жора, на них внимания. Ведь поднялась со дна вся осевшая там муть и встала, нависла над обществом, радуясь нынешнему смутному и опасному времени! – немного помолчав, продолжила. – А я вас, Жора, знаю. Я была в комиссии от ГОРОНО на приёме экзаменов, а также читала статью о вашем героическом благородном поступке. Как это было недавно, и как это было давно! – она снова задумалась, а потом как – то сухо произнесла: – Если вы хотите пройти на территорию, куда переселили евреев, то вам необходимо иметь пропуск, выданный нашей городской полицией.

– Но я не имею никаких отношений с полицией и, как видимо, никогда не буду иметь так называемого пропуска! – ответил Жора и, поднялся, собираясь уходить.

– Это как сказать! А вы знаете, кто у нас начальник полиции?

– Нет, не знаю и знать не хочу! – он повернулся к двери, но его остановила одна фраза, произнесённая женщиной.

– Ваш бывший педагог – Генрих Людвигович Шварцберг.

Жора резко повернулся и переспросил:

– Кто–кто?! Генрих Людвигович?!

– Он самый! – улыбнувшись, подтвердила она.

– Вот это да! – воскликнул Жора. – Так я сейчас пойду в полицию, думаю, что он меня не забыл и поможет мне.

– Думаю, что так оно и есть, что он вас не забыл и обязательно примет, и поможет, но сегодня идти в полицию нет смысла ввиду того, что Шварцберга на работе нет. Он в Чернигове на совещании, будет только завтра, – она снова улыбнулась и хотела что-то ещё сказать, но Жора её перебил:

– Вы извините, но откуда вы знаете все эти подробности?

Она снова одарила Жору своей улыбкой и, рассмеявшись, сказала:

– Вот мы с вами уже долго говорим, а познакомиться забыли. О вас я почти всё знаю, а вы обо мне ничего, даже имени. Меня зовут Татьяна Сергеевна, а то, что я знаю о работе полиции, так в этом нет ничего загадочного, я ведь у Генриха Людвиговича работаю секретарём. Так что, дорогой Жора, приходите завтра, к девяти утра и будете приняты начальником полиции. Я в этом вполне уверена!

В этот же день, около трёх часов дня, на улице, где жили мама–Сима, Люся и Сёма, через четыре дома от них у Лизы Шварц начались предродовые схватки. Эта молодая красивая женщина ушла из горящего Минска, где при первой бомбежке погибли все её родные: отец, мать и маленькая сестричка. Бомба попала в дом, где они жили. От дома осталась только масса раз-

брошенного кирпича и большая воронка. Лиза в это время была на приеме у врача, а, когда вернулась, то не было ни дома, ни родных. Некоторое время она пожила у своей подруги, а когда немец подошел уже вплотную к городу, сумела уйти и, пройдя большой путь по белорусской земле и Украине, остановилась в нашем городе, чувствуя, что дальше идти не сможет, потому что тот, который уже жил в ней, стал иногда давать о себе знать, шевелясь, упираясь, и постукивая в стенку живота. А когда пришли немцы, оккупировали город, она, как и все евреи, оказалась за колючей проволокой, а вот сейчас пришло время рожать. Условия были ужасные. Соседки, которые собрались у постели роженицы, не знали, что и как нужно делать. Одна из них побежала за Басей Израилевной, которая жила тоже на этой улице. Вскоре эта неутомимая женщина распорядилась, давая каждому задание, что нужно делать. Нашлись несколько простыней, вода грелась на примусе, все что-то приносили и старались, чем только могли, облегчить страдания роженицы, а роды были тяжёлыми. Уже прошло около часа, а Лиза никак не могла разродиться. Она старалась делать всё, что говорила Бася, но все усилия, как всем казалось, были напрасны, но в конце концов появилась головка, Бася помогала появиться на свет новому человечку, и, к радости всех, кто делал всё, чтобы это случилось, в комнате раздался крик новорожденного мальчика. Все радовались этому величайшему чуду, хлопоча возле роженицы, молодой мамы и маленького, вновь появившегося на свет человека. Вдруг одна из соседок, посмотрев на часы, сказала, что осталось пятнадцать минут до комендантского часа, и все потихоньку разошлись, остались только Бася и пожилая женщина, которая жила вместе с Лизой. Она уговаривала Басю идти домой, но та, как бы ни слыша, продолжала делать своё дело. Она обработала пуповину, обтерла мокрой тряпицей, заранее смоченной в тёплой воде, тельце новорожденного и, запеленав его, положила рядом с Лизой и только после всего этого стала собираться уходить. Фира, так звали пожилую женщину, уговаривала Басю остаться и переночевать, потому что уже начался комендантский час, и ходить по улице очень опасно, но она собралась, попрощалась и вышла. Она прошла немного по тротуару и только стала переходить дорогу, как вдруг яркий луч прожектора прорезал уже сгустившиеся сумерки, высветив одинокую женщину. Прозвучал выстрел. Бася, упала, не дойдя до середины дороги, где и осталась лежать, а неподалеку от неё в луже, на том месте, где утром стояла цистерна с водой, валялся её медицинский чемоданчик с ярко-красным крестом. Никто не осмелился выйти и узнать, жива она или мертва. Был комендантский час, и это говорило само за себя. В то время мама–Сима стояла на кухне, у окна, всматриваясь в темноту, и вдруг она увидела этот страшный луч света и падающую Басю, которая ещё совсем недавно прибежала к ней, чтобы помочь ей справиться с сердечным приступом. И вот её уже нет! Мама–Сима стояла и смотрела до тех пор, пока не погас свет прожектора и, задумавшись, тихонько произнесла: «Это начало нашего конца!». И отошла от окна. Она была мудрая женщина. Эта мудрость передалась ей от далеких предков, которые не раз переживали величайшие трагедии еврейского народа, дочерью которого она являлась.

Утром в девять часов Жора подошел к зданию бывшей еврейской школы, в котором в настоящее время располагалась городская полиция. Вошел, прошел к двери бывшего учительского кабинета, где теперь висела табличка «Приёмная», открыл дверь и оказался в квадратной комнате с одним большим окном, возле которого стоял большой двухтумбовый стол. За столом, на котором стоял телефон, пишущая машинка, чернильный прибор и стопка разноцветных папок, сидела Татьяна Сергеевна. Увидев Жору, она улыбнулась и указала на стулья, которые стояли вдоль стены, приглашая присесть. Жора не заметил, как она позвонила, но услышал слова «Он уже тут».

Сразу же после звонка открылась дверь кабинета начальника полиции, и в приёмную вошел улыбающийся Генрих Людвигович. Он подошел к Жоре, поздоровался с ним за руку и пригласил идти за ним. Они прошли по коридору, свернули налево, где были двери, ведущие в классные комнаты, и дошли до конца коридора. Генрих Людвигович открыл ключом

дверь, и они вошли в очень маленькое помещение, которое оказалось не классом, а, скорее всего, небольшой кладовкой, где стояли всего три стула, маленький столик, а вверху, почти под самым потолком, было крохотное, зарешечённое окошко. Они уселись за столиком один против другого, и Генрих Людвигович, пристально посмотрев Жоре в глаза, начал заранее продуманный разговор:

– Я вижу, что ты удивлён, что мы здесь, а не у меня в кабинете? Всё очень просто, мой кабинет прослушивается, а у нас с тобой предстоит очень серьёзный разговор, о котором никто, а особенно те, кто подслушивает, не должны знать. О твоей проблеме, которая привела тебя ко мне, я уже знаю, мне Татьяна Сергеевна рассказала. Бланк пропуска я уже подписал, будет подготовлен документ, на основании которого выдан пропуск, и завтра ты получишь всё необходимое, чтобы посещать свою любимую девушку. В документе будет указано, что ты сотрудник полиции и выполняешь функции по распространению дезинформации среди еврейского населения. Пусть тебя такая формулировка не смущает, ведь этот документ нигде не будет зафиксирован. Это первое, и не так важно, как то, что нам предстоит сделать. Ты спас мою дочь, а я хочу, нет, я просто обязан, спасти твою любовь, девушку, которую ты любишь, которую я знаю и уважаю, – он помолчал и вдруг поднялся, стал лицом к стенке, над которой возвышалось глухое зарешечённое окошко и глухо произнёс: – Люсю нужно спасти немедленно! Любое промедление грозит ей смертью! Больше я тебе не могу ничего сказать. Я и так много сказал того, о чём не имел права говорить.

После небольшой паузы он повернулся к Жоре, подошёл и, снова сев напротив него, спросил:

– Ты можешь держать язык за зубами и не проболтаться о том, что я тебе сейчас скажу? Жора выдержал пристальный взгляд Генриха Людвиговича и ответил только одним словом:

– Да

– Ну, что же, если да, то слушай. Ты удивился тому, что Люсю надо спасать? Видишь ли, действительность более жестока, чем мы можем себе представить. Все евреи, которые живут там, куда ты стремишься попасть, очень скоро будут убиты и ничто, и никто не может предотвратить, остановить это страшное преступление, это безумие, с которым я не могу согласиться и быть его участником, но на вопрос, что делать и что предпринять, я не могу найти ответа. Это очень страшно! У меня есть план к её спасению, и ты должен это сделать так, чтобы ничто ни у кого не вызвало подозрения. Ты завтра должен получить согласие Люси и её родных и только тогда придёшь в полицию и скажешь Татьяне Сергеевне, что всё в порядке. На следующий день придёт немецкий офицер, пусть это Люсю не пугает, и отвезёт её в заранее намеченное место, а далее будет видно, что делать и как поступать, – он помолчал и тихо произнёс: – Господи, помоги нам! Да, я ещё забыл сказать, что как только офицер увезёт Люсю, ты должен прийти, как и всегда приходил к ним, как будто ничего не знаешь, и этим подтвердить, что ты не причастен к её исчезновению. Надо надеяться, что всё будет хорошо, и удача нас не подведёт! А теперь мы разойдёмся, и завтра приходи за документами и пропуском.

Они пожали друг другу руки, распрощались, и Жора отправился домой, окрылённый надеждой на Люсино спасение. Утром, получив из рук Татьяны Сергеевны документы на право посещать еврейское гетто, Жора с небольшим свёртком, в котором были продукты, подошёл к воротам, от которых недавно его прогнали полиция. Но сегодня Жору поджидала скверная неожиданность. На ступеньках у входа в проходную стоял Грынька. Он улыбнулся, оскалив свои желтые зубы и, вдруг повернув голову к двери, прокричал:

– Володька, Аркадий, посмотрите, кто к нам пришкандыбал!

На крыльце появились Володька и Аркадий в форме полицейских с повязками на рукаве и трезубцем на форменном головном уборе. Они тоже, как и Грынька, с издевательской улыбкой

разглядывали своего злейшего врага. Жора, не обращая на их явное пренебрежение к нему, уверенным голосом спросил:

– А кто тут у вас старший?

– Ну, я! – приосанившись, ответил Грынька. Жора медленно достал пропуск и подал ему. Грынька взял, прочитал, посмотрел на Жору, снова на документ, присвистнул, и произнёс неопределённо: «Ого!» – и показал документ Володьке, который тоже прогнусавил: «Во даёт!» – и возвратил Грыньке, который отдал пропуск Жоре, со словами: «Ну, ты и даёшь, едрёна вошь! Гляди, как пристроился, почти нас переплюнул! Ну, иди–иди к своей жидовке!». Он немного отошёл в сторонку, пропуская Жору, который не спеша прошёл мимо и направился по улице к тому ветхому домику, в котором жили дорогие ему люди. Наверное, никто так не радовался Жориному приходу, как радовались Люся, Сёма и мама–Сима. Ведь они уже потеряли надежду увидеть его, зная, что любые посещения категорически запрещены. Так что появление Жоры было для них неожиданностью и величайшей радостью, а мама–Сима радовалась вдвойне и Жориному приходу и продуктам, которые он принёс. Ведь они вот уже третий день живут впроголодь. Все магазины на территории закрыты, остался только один, где продают, а вернее, меняют капусту, картошку и сахарную свёклу на золотые кольца, серьги, часы, золотые цепочки, царские пятёрки и десятки, а у большинства всего этого не было, и люди были обречены на голодную смерть. Вот почему мама–Сима так обрадовалась тому, что принёс Жора. Люся подошла к нему, он сидел на одном из трёх стульев, обняла его и тихо спросила:

– Жоронька, ты не обидишься, если мы сейчас покушаем, а потом посидим вместе и пообщаемся?

Он заглянул в её такие дорогие для него глаза и ужаснулся, увидев, что там, где всегда искрилось счастье, радость, любовь и что-то необъяснимо прекрасное, теперь затаилась беспредельная тоска, усталость и тревога!

– Да, да! Какой может быть разговор?! Я посижу здесь, пока вы покушаете, а потом у меня будет очень серьёзный разговор с тобой, Сёмой и мамой, – Жора задумался над тем, что ждёт их в скором будущем. Он знал, но ничего не мог предпринять, кроме того, как спасти Люсю. Ему было тяжело осознавать своё бессилие по поводу Сёмы и мамы–Симы. Он сидел, опустив голову, уйдя в глубину своих тревожных мыслей, и очнулся только тогда, когда Люся, появившись в дверях кухни, сказала:

– Вот и мы! – за Люсей в комнату вошёл Сёма и мама–Сима. Она села на кровать, а Жора, Люся и Сёма, пододвинув стулья ближе к кровати, уселись тесным полукружком:

– А что ты к нам, Жоронька, так долго не приходил? – спросила Люся. – Мы тут уже потеряли надежду увидеть тебя, хотя знаем о том, что всякие посещения на территорию запрещены. Как же тебе удалось пробраться к нам, да ещё с продуктами? – Она не могла скрыть своей радости, что вот Жора снова рядом и уже казалось, что всё будет хорошо, и они снова будут все вместе.

Но действительность диктовала своё. Жора начал рассказывать о том, что произошло за это короткое время, как его прогнали от ворот и пригрозили оружием, как он познакомился с Татьяной Сергеевной, которая оказалась секретарём в городской полиции, и от которой он узнал, что начальником полиции, является никто иной, как Генрих Людвигович. До этого момента, все слушали Жору, не перебивая, и, как только он произнёс имя их учителя, то Люся тихо сказала:

– Вот сволочь!

– Ну, не скажи! – возразил Жора. – Мне, когда мы с ним беседовали, показалось, что он не тот, за кого себя выдаёт, и что в нём есть что-то загадочное и недосказанное. Он как-то проговорился, что многое не в его силах, чтобы предотвратить то, что творится вокруг. Но, самое главное – это то, что он предложил план, как отсюда вывезти тебя, Люся, – а затем, Жора обратился к маме–Симе и Сёме, и вас. Люся сразу же отказалась, заявив, что она не

бросит маму и Сёму, и вообще ей не нравится то, что предложил этот, с позволения сказать, «добродетель». Она поднялась со стула, пересела на кровать, обняла маму и, заглядывая ей в лицо, сказала:

– Мы будем все вместе, я думаю, что всё обойдётся, и всё будет хорошо. Ведь я права?! Нам ни в коем случае нельзя покидать друг друга, ведь пока нам ничего не грозит, ведь это правда?! Но почему ты молчишь, мама? Скажи, что ты об этом думаешь?

Но мама–Сима почему-то молчала. В это время Жора сказал то, о чём раньше не хотел говорить, но теперь это было необходимо, и он сказал:

– Когда я подошёл к воротам, то на крыльце проходной стоял Грынька, а, когда увидел меня, то позвал Володьку и Аркадия. Все трое были одеты в полицейскую форму с карабинами и трезубцем на форменных фуражках. Оказалось, что они приняли дежурство, и старший в этой тройке – Грынька, который стал издевательски посмеиваться над моим приходом, но, когда я предъявил свой документ, выданный мне в полиции за подписью начальника, то реакция была совсем иная. Куда только делась их спесь! Всё это хорошо, но от этих мерзавцев можно ожидать любую подлость и любое преступление! Вот почему тебе, Люсенька, надо воспользоваться тем, что предлагает Генрих Людвигович, просто необходимо!

Он поочередно посматривал на каждого, ожидая ответа на то, что он только что рассказал. А Люся смотрела на маму-Симу глазами, в которых затаился страх, в ожидании, что скажет она, а Сёма смотрел то на Люсю, то на маму и, как видимо, ждал решения создавшейся проблемы, и мама–Сима в задумчивости, как бы сама с собой, начала говорить:

– Я не верила, я не могла поверить, что могут убивать людей безнаказанно, просто так для своего развлечения, до тех пор, пока не увидела своими глазами, как убили Басю, которая несла облегчение людям, которая никому не сделала зла, а только добро, и её убили, и никто не несёт ответственности за это убийство, и только потому, что оно узаконено. Оно охраняется и поощряется тем же законом убийц! Я долго анализировала то положение, в котором в настоящее время находится всё еврейское население города, и пришла к выводу, нет, я просто уверена, что нас всех, живущих за колючей проволокой, вскоре начнут убивать! Да! Да! Я в этом уверена! Так вот, Люсенька, я считаю, что необходимо воспользоваться возможностью вырваться отсюда, невзирая на то, от кого исходит инициатива и помощь, которую нам предлагают. Тебе нужно согласиться, и, чем скорее это свершится, тем лучше для тебя и для нас всех, а, если удастся и нам с Сёмой вырваться, то это будет просто чудом! Но первой должна быть ты. Вот всё, что я хотела сказать.

В комнате воцарилась тишина. Все молчали, ожидая, что скажет Люся. Она медленно встала с кровати, где сидела вместе с мамой, подошла к Жоре, встала за спинкой стула, на котором он сидел, положила ладони ему на плечи и, склонившись, тихо сказала:

– Я согласна.

После этого она подошла к кровати и села рядом с мамой, как и сидела раньше.

Жора шёл в полицию, чтобы сообщить о Люсином согласии. Он радовался, он знал, он спасёт её, он спасёт Люсю, он спасёт свою любовь! В приёмной посетителей не было, он подошёл к столу, за которым сидела Татьяна Сергеевна, наклонился к ней, поздоровался и тихо прошептал:

– Всё в порядке, она согласна.

Почти сразу же открылась дверь кабинета, и в приёмную вошёл Генрих Людвигович, молча, показал на выход из приёмной, и они вместе с Жорой вышли в коридор, где он напомнил ему, чтобы тот завтра после двенадцати пришёл на территорию, как и приходил раньше; об исчезновении Люси не знаешь, и как будто узнал только сейчас. Он помолчал немного и продолжил:

– Это просто необходимо и для тебя, и для меня.

Попрощавшись, он ушёл к себе, а Жора домой, окрыленный надеждой в завтрашний день.

Уже в одиннадцатом часу, когда мама–Сима с Люсей и Сёмой готовились ложиться спать, вдруг в коридоре что-то загромыхало, как видно, упало пустое ведро, послышалась отборная матерщина, открылась дверь, и в комнату вошёл Грынька, а за ним Володька и Аркадий. Грынька, как всегда перед тем, как начать говорить, гыгыкнул, а потом произнес, указывая на Люсю:

– Одевайся. Пойдем!

– Куда?! – спросила мама–Сима, заслоняя дочь собой.

Грынька не ожидал такого вопроса, и сразу ответить не смог, а только промямлил:

– Куда–куда?! На кудыкину гору! – и тут вдруг его осенила мысль. – Комендант требует!

Во!

– Да, да! – в разговор вклинился Володька. – У коменданта торжество, вот он нас и послал, чтобы привести двух-трёх певиц и пару танцоров, чтобы веселее было для гостей.

– Во–во! – продолжил Грынька. – Так что побыстрее одевайся, а то нам ещё в четыре места надо пойти, – и он снова гыгыкнул, довольный своей сообразительностью.

Руки у Люси дрожали, когда она надевала тёплый жакет. Она никак не могла попасть в рукав, но наконец, одевшись, обняла маму, поцеловала её и прошептала: «Это конец!». Ещё раз поцеловала маму, подошла к Сёме, поцеловала в щёку и тоже тихо прошептала: «Отомсти за меня, Сёмочка». Затем повернулась и пошла к двери. Первыми вышли Володька с Аркадием, Грынька пропустил Люсю и прошёл за ней, громко хлопнув дверью, звук которой был похож на звук падающей крышки гроба.

Как только закрылась дверь, мама–Сима потушила свечу и подошла к окну. Она вглядывалась в темноту ночи, но ничего не видела. Вдруг узкий луч прожектора выхватил из тьмы четыре человеческие фигуры, где в окружении полицаев была её любимая дочь. Она опустилась на пол и тихо-тихо заплакала.

Люся шла, задумавшись, и не заметила, как они поравнялись с конюшней, дверь которой была немного приоткрыта, оттуда струилась тонкая струйка света, и вдруг она почувствовала, что её вталкивают в эту дверь. В мгновение она оказалась внутри конюшни, где на перекладине под крышей висела лампа «летучая мышь», откуда и исходил тусклый свет, еле-еле рассеивая полумрак. Она закричала, вырываясь из цепких рук мерзавцев, отбивалась, царапалась, а эти подонки срывали с неё одежду, бросая на небольшую кучу соломы. Силы были неравными! Скот побеждал человека. Её насиловали все трое, насиловали и били, били зверски, вымещая на ней всю накопившуюся злобу, которая скопилась в их чёрных презренных душах. Били за то, что пренебрегала ими, за то, что были позорно избиты Жорой, который её защитил. Люся сопротивлялась, теряя сознание. Всё происходило, как в страшном сне. И, когда, насытившись, насильники отошли в сторону, приводя свою одежду в более-менее порядок, то Грынька наклонился над своей жертвой, прохрипев ей в лицо:

– Ну что, убедилась в силе настоящих мужиков? – и, оскалив свои гнилые зубы, гыгыкнул.

А Люся, собрав последние силы, плюнула кровавым плевком в его рожу. Он вытерся, размахнулся и ударил кулаком в её разбитое лицо, потом с силой ударил по голове, удар пришёлся немного выше виска. Люся сразу же обмякла, глаза остекленели, не реагируя ни на что. Грынька ткнул её кулаком, потом ударил носком сапога в бок, но она и не пошевелилась. Он повернулся к Володьке и Аркадию, которые стояли возле повозки, и хрипло произнёс:

– Видать подохла, курва! Пошли отсюда! – и первым направился к двери.

Всю дорогу шли молча. Пришли в дежурку, где сидел пожилой полицай и клевал носом, борясь с наплывающей дремотой. Пройдя мимо него, оказались в комнате, вернее, в бывшей кухне, где была плита, стол, стулья и большой шкаф. Володька пошарил рукой за шкафом, вынул ранее спрятанную бутылку самогона и предложил выпить на сон грядущий. Все оживи-

лись, уселись за стол, разлили в стаканы, выпили, утёршись рукавом вместо закуски, решили домой не уходить, ведь утром, а это уже не так долго, нужно принимать вахту, улеглись на тюфяке, который лежал в углу, и сразу же уснули.

Далеко до рассвета Люся очнулась, медленно приходя в сознание и вглядываясь в крышу помещения, не в силах осознать, где она находится. Медленно, очень медленно возвращалось сознание. Правый глаз не открывался, затянутый кровавым отёком. Всё тело болело, она попробовала пошевелиться, но вскрикнув, снова потеряла сознание. Когда же она вновь пришла в себя, то слабый свет просыпающегося серого утра еле-еле просачивался сквозь щель неплотно прикрытой двери. В памяти всплыло всё то, что с ней произошло. Она со стоном повернулась на бок и, вглядываясь одним левым глазом в полумрак конюшни, начала искать то, что ей сейчас было особо необходимо, но долго не могла увидеть и, наконец, увидела, что искала. Верёвка была привязана к оглобле повозки. Люся подползла к ней и начала медленно развязывать затянутый узел.

Мама–Сима и Сёма всю ночь просидели в темноте, не смыкая глаз. Под самое утро, когда начал брезжить рассвет, Сёма задремал и вдруг сквозь дрему он услышал мамин голос:

– Вот и нет уже нашей Люсеньки. Нет её, мы остались одни!

Сёма открыл глаза и увидел, что она стоит у окна, не отрывая взгляда, устремлённого куда-то вдаль, который видел то, что подсказывало изболевшееся материнское сердце. Она не плакала. Она просто стояла в оцепенении, не в силах отвести взгляд от сереющего утреннего рассвета. Сёма подошёл к ней, обнял её за плечи, и так они стояли вдвоём, встречая это страшное, серое, осеннее утро, молча прощаясь с самым дорогим человеком – любимой дочерью и любимой сестрой. Они так стояли, пока не открылась дверь, и в комнату не вошла причитающая и заплаканная Фрида, бывшая их соседка по двору, жена дяди Ишии. Она остановилась у порога и с плачем произнесла:

– О, Господи! Что же это делается?! Горе такое! О, Господи!

Мама–Сима и Сёма резко повернулись, и Сима спросила одним единственным словом:

– Люся?!

– Да, да, да! – ответила Фрида и залилась слезами. – Я и Ишия встали рано, почти с рассветом, Ишия имеет право ходить в это время в конюшню, а я с ним пошла, чтобы почистить стойло, и, как только мы вошли, то сразу же увидели... Ишия снял её, но было уже поздно, – сказала она и снова залилась слезами.

Фрида с мужем своих детей не имели и Люсю любили, как родную дочь, и каждый раз любовались ею. А вот сейчас её уже нет. Сёма, в чём был одет, выбежал на улицу и побежал в конюшню, где дядя Ишия уже запрягал лошадь в повозку, где лежала Люся, прикрытая рогожей.

Сёма подошёл, приподнял рогожу и ужаснулся. Узнать Люсю было невозможно. Лицо было настолько изуродовано, что смотреть страшно. Он прикрыл её, отошёл от повозки и возле кучи соломы увидел несколько жемчужных горошин от Люсиного ожерелья и стал собирать их, не заметив, что Ишия уже выехал из конюшни. Сёма собрал всего семь горошин и вышел на улицу, по которой катилась повозка, увозившая его сестру, которую он не имел права проводить в последний путь. Таков был приказ коменданта, и Сёма возвратился домой. Мама–Сима сидела у стола, тёти Фриды уже не было, а на столе лежала одна картофелина, сваренная в кожуре, небольшой кусочек сахарной свёклы и небольшая щепотка соли. Мама посмотрела на своего сына красными от слёз глазами и тихо сказала:

– Поешь, сыночек, поешь, дорогой, – и, помолчав, спросила: – Ты видел? – и снова её глаза наполнились слезами.

Сёма кивнул головой, но к еде не притронулся.

С надвигающихся туч за окном начал сыпать мелкий осенний дождь, оседая на стекле, сползая вниз крупными каплями, напоминающими человеческие слёзы. Природа оплакивала

всех тех, кого недосчитались в эту страшную ночь. В комнате было тихо, и слышно было только то, как крыса грызла половицу.

За полчаса до сдачи дежурства, или, как они называли своё дежурство – вахты, пожилой полицейский разбудил Грыньку, Володьку и Аркадия и, оглядывая их каким-то пристальным взглядом, сказал, чтобы отгёрли нехорошие пятна на своей одежде, которые напоминают запёкшуюся кровь, а сам, достав кисет с махоркой, сел за стол и стал сворачивать сигарку, прикурил, и только потом, ни к кому не обращаясь, произнёс:

– Ночью, в конюшне, девка повесилась!

Грынька резко повернулся в сторону говорящего:

– Как повесилась?! – хрипло спросил он.

– А так! – ответил пожилой полицейский, затягиваясь махорочным дымом. – Прикрепила верёвку за крюк, надела петлю на шею и весь тебе «как».

– А кто же это такая? – спросил Володька.

– Какая-то Люся Голдштейн, – после глубокой затяжки последовал ответ. – Ишия, конюх, когда я ему открывал ворота и проверял покойницу, сказал, как её звали и как фамилия. Я так и записал в журнал. Ой, хлопцы, хлопцы! Как посмотрел на покойницу – всё лицо искалечено, да и вся в крови, и одежда изодрана. – Он помолчал немного и продолжил: – Ну, ладно, принимай вахту! – сказал, поднялся, потушил свою сигарку и вышел. А Грынька, переглянувшись с Володькой и Аркадием, медленно последовал за ним.

Ровно в девять часов к воротам подкатил чёрный «Опель», из которого вышел немецкий офицер и направился к проходной. Встретил его Грынька, выбросив в приветствии руку, гаркнул: «Хайль, Гитлер!» – и остался стоять по стойке смирно. Офицер прошёл мимо, еле-еле ответив на приветствие, и на довольно сносном русском языке потребовал коменданта. Грынька позвонил по телефону, сообщив о том, что приехал офицер и требует коменданта. Через десять минут комендант вошёл в кабинет, где уже сидел оберлейтенант и курил ароматную сигарету, а Грынька стоял у двери. Комендант, вытянувшись, поприветствовал офицера выбросом правой руки и отрывисто, как бы отлаив: «Хайль, Гитлер!» – ожидал, что скажет новоприбывший и совершенно неожиданный гость. Офицер указал на стул, приглашая хозяина кабинета сесть. Разговаривали они по-немецки, а Грынька стоял за дверью, вслушиваясь, о чём говорят, силясь хоть что-то понять, уловить хотя бы одно понятное слово. И вдруг ему послышалось или же просто показалось, что офицер произнёс имя «Люся». Холодок животного страха пробежал по его спине, но он сразу же успокоился, поняв, что ему просто показалось. Минут через десять, комендант вызвал Грыньку, вручил бумажку и отчеканил: «Немедленно доставить!». Грынька выскочил из кабинета, остановился, прочитал, что написано в бумажке, и ужаснулся. Там был номер дома и слова: «В самой лучшей одежде привести Люсю Голдштейн и сдать офицеру!». Грынька был в ужасе, но он, переборов страх, возвратился, постучал в дверь и, когда ответили «входите», вошёл и прямо с порога отрапортовал:

– А её нет!

– Как нет?! – спросил комендант.

– А она в эту ночь повесилась, – ответил, заикаясь, Грынька. – В журнале учёта сдачи и приёма вахты записано. Ночью повесилась, а утром конюх увёз куда-то закопать, – и он, вытянувшись, застыл у двери.

Офицер захлопнул папку, в которой лежал список «кандидаток» в Черниговский офицерский ночной клуб, встал, небрежно отковырял и направился к выходу, где у самой двери с брезгливостью обошёл Грыньку и вышел. А комендант, подойдя к окну, смотрел, как офицер садиться в машину и уезжает. Грыньку он отправил работать, а сам, задумавшись, продолжал стоять у окна, анализируя разговор с немецким офицером, в котором чувствовалось к нему явное пренебрежение. Он выругался, отметив, что выругался по-немецки, подошёл к сейфу,

открыл его и, вынув бутылку водки, сделал несколько глотков, сплюнул и снова выругался, но теперь уже отборной русской матерщиной.

В двенадцать, то есть в полдень, когда Грынька, Володька и Аркадий сидели в дежурке, утоляя свой волчий аппетит, к воротам подъехал Ишия с очередным покойником. Аркадий вышел, спросил, кого везёт, приподнял рогожку, под ней лежала женщина, из-под растрепанных волос которой, виднелось посиневшее лицо и вывалившийся язык. Он резко опустил рогожку, потребовал, чтобы Ишия зашёл в дежурку, где с его слов записал в журнал имя и фамилию покойницы, после чего открыл ворота, и подвода выехала за пределы этого страшного места. Закрыв ворота, Аркадий увидел приближающегося Жору и быстро возвратился на проходную. Жора вошёл, предъявил пропуск и прошёл на территорию, а Аркадий вбежал в дежурку, где Грынька и Володька продолжали набивать свои желудки, и взволнованно произнёс:

– Жорка явился!

Грынька и Володька перестали жевать, глядя на растерянно стоящего Аркадия, и молчали. Первым заговорил Володька:

– А чего это ты так испугался? Мы здесь ни при чём, мы выполняли приказ, ответили её к коменданту, а за последствия, мы не отвечаем! Вот так! – он повернулся к Грыньке. – Ведь так всё и было, как ты думаешь?

Грынька проглотил то, что было у него во рту, гыгыкнул пару раз и, закашлявшись, произнёс:

– Конечно, так! – и продолжил прерванную трапезу.

Володька поднялся из-за стола, подошёл к Аркадию, хлопнул его по плечу, и они вместе уселись возле Грыньки.

Жора шёл, надеясь на то, что всё уже позади, и Люся вне опасности. Он радовался и уже думал, как помочь маме-Симе и Сёме, а пока нёс им немного продуктов и бутылку воды.

Маму-Симу и Сёму он застал сидящими за столом, где лежала одна картофелина и кусочек сахарной свёклы, а в комнате была какая-то траурная тишина, и даже на его появление они оставались в том же подавленном состоянии. Жора остановился у двери, прикрыл её и первое, что он спросил, предчувствуя что-то неладное:

– Что произошло?! Что случилось?!

Мама-Сима подняла голову и тихо ответила:

– Нет нашей Люсеньки, – и разрыдалась.

– Как нет?! Что вы говорите?! – он уже не только чувствовал, но был почти уверен, что произошло что-то страшное и непоправимое.

– Этой ночью Люся повесилась, – сказал Сёма, глядя на Жору, подошёл к нему, обнял его, затем они вместе прошли к столу и сели напротив мамы-Симы, которая уже не плакала, а молча, смотрела в окно, словно желая увидеть то, что ушло и ушло навсегда.

В комнате висела тяжёлая давящая тишина. Жора тихо, как-то хрипловато спросил Сёму, как это произошло и что толкнуло Люсю на такой страшный шаг, кто в этом виноват, хотя он уже догадывался, что могло произойти в эту ночь и кто кроется за всем этим. И Сёма начал рассказывать всё от начала и до конца. Как пришла эта проклятая тройка, как под предлогом, что Люсю требует комендант, что было сплошным враньем, они увели её не к коменданту, а в конюшню. Говорил Сёма тихо, а мама-Сима продолжала, молча смотреть в окно, и вдруг повернулась, глаза у неё странно блестели, она посмотрела пристально на Жору и попросила:

– Отомсти, Жора, отомсти за Люсеньку, за нас с Сёмой, потому что все живущие здесь за колючей проволокой обречены на смерть. Отомсти! Я заклинаю тебя! Отомсти! – последние слова она произнесла с большим усилием и снова разрыдалась.

Сёма не плакал, у него просто текли по щекам слёзы, которых он не вытирал, как видно, не чувствуя, что они есть. Жора молчал, не зная, что ответить. Он сидел, опустив голову, глядя

в прогнивший пол, беззвучно плакал, он плакал всем своим существом, всем телом, душой и сердцем, прощаясь со своей большой безвозвратно ушедшей любовью, со своим близким и преданным другом, с его мамой – со всем тем, что было и чего уже нет. Он чувствовал, что в нём просыпается тот прежний человек, который отомстит и отомстит жестоко за смерть и поруганную любовь, за все те несчастья, которые принесла война. Он медленно поднялся со стула, подошёл к маме – Симе, обнял её и поцеловал, как самого близкого человека, понимая, что прощается навсегда и, выпрямившись, сказал хриловатым голосом:

– Я отомщу! Я клянусь! А иначе я жить не смогу! – он подошёл к Сёме, желая и с ним проститься, но Сёма пошёл его проводить.

Выйдя в коридор, он остановился, приподняв голову и глядя на Жору глазами, в которых застыла неопишуемая тоска, тихо сказал:

– Я верю, что ты отомстишь этим мерзавцам за Люсю, за нашу Люсю! – в глазах у него показались слёзы. Сёма взял Жорину руку и, разжав свою ладонь, высыпал ему все семь жемчужин. – Это всё, что осталось. Пусть они всегда напоминают тебе о ней и о той клятве, которую ты дал маме, и, чтобы о нас не забывал, что мы жили и были всегда рядом с тобой! Помни! Не забывай!

Они расцеловались, и Жора пошёл по улице к выходу, а Сёма вошёл в комнату и сел на то же самое место, где сидел ранее.

Жора прошёл проходную с опущенной головой, боясь взглянуть на Грыньку, стоявшего возле дверей, зная, что может не сдержаться, а это верная смерть, а Грынька только и ожидал этого, что развязало бы ему руки, но он прошёл молча. А Грынька долго смотрел ему вслед и только тогда, когда Жора скрылся за поворотом, возвратился в дежурку, где сидели Володька и Аркадий.

... Жора шёл медленно, как-то ссутулившись, глядя себе под ноги, и всё время думал, как могло произойти что он опоздал всего на один день, и что Люси уже нет и не будет никогда, и что он больше не увидит её лучистых и сияющих глаз, с которыми она его встречала, что он уже никогда не услышит её звонкий, словно колокольчик, весёлый смех, он никак не мог в это поверить, хотя и понимал, что возврата к прошлому нет, и остаётся только одно – отомстить за смерть самого дорогого и любимого человека! И тут его осенила мысль, что если эта свора расправилась с беззащитной девушкой, то теперь очередь за ним, и они ему ничего и никогда не простят. Он знал это точно, и понимал, что они будут ждать удачного момента, и этот момент может наступить в любую минуту, в любое время и даже очень скоро. Дома он застал бабушку как всегда за машинкой, подошёл к ней, обнял за плечи и тихо сказал:

– Люся повесилась.

– О! Боже! Что ты говоришь?! Как это случилось?! – повернувшись к внуку, взволнованно спросила она.

И Жора начал рассказывать всё то, что поведал ему Сёма. С трепетом слушала бабушка его рассказ и всё более и более убеждалась в том, что Жоре грозит смертельная опасность, и нужно немедленно что-то предпринять. Когда он закончил говорить, и наступила тишина, бабушка после небольшой паузы, вытирая слёзы, сказала:

– Тебе, Жоронька, немедленно надобно уходить из города! Иначе может и беда случиться! От этих душегубов всё можно ожидать. – Дарья Ильинична встала и начала собирать всё, что было на машинке и на стуле и, закрывая машинку деревянным чехлом, продолжила: – Ты помнишь дорогу к дяде Егору? Мы с тобой два раза ходили к нему в деревню. Это двоюродный брат твоего отца. Правда, это было ещё до войны, но дорогу ты должен помнить, ведь ты был уже не маленький. Так вот, у дяди Егора ты поживёшь какое-то время, там тебе будет безопасно, а здесь оставаться нельзя никак. Дорога, правда, не безопасная, да и не близкая, но я думаю, что всё обойдётся, и всё будет хорошо, а пока пошли на кухню, поешь, да и собирайся в дорогу.

Пока Жора ел, бабушка приготовила продукты и вещи, которые, по её мнению, необходимы в дороге. Жора решил: всё, что можно надеть на себя, надел, а продукты упаковал в небольшой холщовый мешочек, привязав по углам верёвочки, чтобы можно было нести за спиной, мол, так будет легче и свободны руки, а Дарья Ильинична всё напутствовала внука:

– Пойдёшь не центральной улицей, а переулками до улицы Береговой, зайдёшь во двор под номером 36, там живёт старичок Прокопий Матвеевич, скажи ему, что ты внук Дарьи Ильиничны и что она просит его, чтобы он переправил тебя на другой берег реки. И вывел тебя через село Заречное на просёлочную дорогу, которую ты должен помнить. Мы с тобой ходили по ней, и я думаю, что ты не заблудишься и благополучно доберёшься туда, где живёт «дядя Егор». – Она замолчала и смахнула невольно покотившуюся по щеке слезу.

На улице рождались вечерние сумерки. Жора, обняв и поцеловав бабушку, вышел во двор, взял кусок водопроводной трубы, которая лежала возле крыльца, и ушёл, закрыв за собой калитку, а бабушка, стоя у окна, трижды перекрестила его, благословляя на удачную и благополучную дорогу.

В тот же вечер, когда Жора ушёл из дома, к воротам еврейского гетто подошла и остановилась лошадь с пустой телегой, на которой несколько часов тому назад выехал Ишия с покойницей, а теперь телега была пуста. Пожилой полицай, который дежурил в это время, вышел, открыл ворота, впустил лошадь, и, когда закрывал их, то обратил внимание на кровавые пятна и брызги на телеге и на заднем колесе. Он позвал своих напарников, с которыми принял дежурство и, оглядев телегу, пришёл к выводу, что Ишию убили, и что всё это нужно вписать в журнал. А пока пожилой полицай, он был старшим, приказал одному из напарников отвести лошадь в конюшню, распрячь, напоить и поставить в стойло, а то, что убили человека, их не беспокоило. Человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша, особенно еврейская.

Утром Володька и Аркадий, как всегда, когда были не на дежурстве, шли к Грыньке на утреннюю опохмелку и вдруг нашли его, лежащего вниз лицом в луже застывшей крови с разбитой головой, с расстёгнутой кобурой, где отсутствовал пистолет и две обоймы патронов – вещи, которыми он дорожил больше всего. Володька осмотрел его, убедившись, что Грынька мёртв, поднялся и отправил Аркадия в полицию сообщить о случившемся. Оставшись один, он снова обошёл вокруг того места, где лежал Грынька, и нашёл кусок водопроводной трубы, а на спине покойного лежала жемчужная горошина. В эту ночь Жора исчез из города.

Утром на территории гетто, на стенах домов и столбах был расклеен приказ на немецком и украинском языках, в котором говорилось о том, что эшелон для перевозки жидов в Польшу уже на подходе, и всем жителям улиц (были перечислены улицы, где значилась и та, на которой ютились Сёма и мама–Сима) собраться и завтра пешим порядком отправиться на место погрузки. Вещи брать с собой только лучшие и самые необходимые, а также не забыть взять с собой все имеющиеся ценности, фотографии, документы. Тепло одеться и в семь часов утра стройной колонной двинуться в путь. В конце была подпись коменданта.

Каким только страшным цинизмом, коварством и обманом обладали убийцы миллионов ни в чём не повинных людей!

Сёма собирал вещи, укладывая их в два рюкзака, а мама–Сима с каким-то безразличием следила за его работой, и вдруг она начала что-то искать и не найдя, спросила у Сёмы:

– А где наши документы и все фотографии?

– А мы ведь отдали их на хранение Василию Ивановичу, – ответил Сёма, продолжая начатую работу.

– А где Люсины документы и фотографии? – снова спросила мама–Сима, еле сдерживая слёзы.

– Я положил всё в карман Жориной куртки, – ответил Сёма, и, не сдержав слёз, вышел на кухню.

Рано утром, когда только-только начала пробиваться заря на востоке, уже многие вышли на улицу, стараясь попасть в первые ряды колонны, которая постепенно всё больше и больше увеличивалась людьми с чемоданами, с заплечными рюкзаками, просто с мешками, и детьми, которых всё время приходилось одёргивать, предупреждая, чтобы не отлучались от родителей. Сёма и мама–Сима вышли только тогда, когда колонна была уже выстроена, и в это время из репродуктора прозвучали слова на немецком и украинском языке, где сообщалось о том, что больные и те, кто не может самостоятельно двигаться, должны оставаться дома, и что их привезут на машинах к месту погрузки. Это сообщение ещё более вселяло уверенность в том, что их и впрямь вывозят в Польшу. Наконец, с каким-то ноющим скрипом открылись железные ворота, и люди, охраняемые небольшим количеством полицаев, выходили в неизвестность, но с какой-то трепетной, еле-еле теплящейся надеждой, что всё обойдётся, что всё будет так, как обещают. Но, когда вся эта масса людей свернула на улицу Коцюбинского, то эта иллюзорная надежда рухнула, как картонный домик. По обе стороны улицы стояла плотная цепь из полицаев с карабинами и немцев с собаками. Оцепеневшие от страха люди шли, молча, и вдруг кто-то громко прокричал: «Люди! Прощайтесь друг с другом! Это конец!». Прозвучал выстрел, и голос смолк.

Все шли как во сне, как поражённые громом, шли через весь город, а из окон, из-за заборов, глядели жители города на это жуткое шествие, кто со страхом, кто с непониманием и сожалением, а кто со злорадством. Разные, очень разные люди живут на земле – и добрые, и злые, и подлые убийцы, которым смерть других служит удовольствием и звериной радостью. Когда вышли за границы города, перешли железнодорожный путь. Прошли мимо городского кладбища и начали спускаться с горы, и вдруг из толпы, а это уже не была стройная колонна, какая была в начале пути, а была громадная толпа обречённых на смерть людей, вырвалось несколько человек, и побежали к кустам, которые росли по обочине горы. Женщина и старик, видимо её отец, были убиты сразу, а мальчик почти добежал до кустов, но был сражён полицейской пулей. Девочка Соня, бывшая подруга Люси, продолжала бежать в сторону реки, где росли камыши. Несколько полицаев стреляли по ней, но никак не могли попасть, но вдруг она как бы споткнулась и упала, а, когда к ней подбежали стрелявшие, она лежала в крови без признаков жизни. Один из полицаев направил свою винтовку, собираясь выстрелить, но другой сказал: «Не трать даром пули, она и так уже подохла». И они быстро побежали догонять колонну.

Пройдя ещё немного, вся масса народа была согнана на большую поляну, окружённую мелким кустарником и двойным кольцом вооружённых полицаев и немцев с собаками. Всех заставили сесть на землю, вещи, принесённые ими, были отобраны и погружены на большие подводы, а несчастные люди, предчувствуя близкую смерть, жались друг к другу, не понимая, почему и за что они должны умереть?! Что-то гнетущее, давящее, раздражающее душу и мозг, повисло над этим страшным местом. Где слились в единый душераздирающий вопль крики, рыдания, проклятия, мольба о пощаде, плач детей, старческий шёпот молитвы, хохот сошедших с ума людей, и всё, что находится вокруг. Всё это висело над этим проклятым местом, провожая на смерть ни в чём не виновных людей. Первых тридцать человек увели на заранее отведённое место, где заставили раздеться догола, отобрали все золотые вещи и погнали в пасть раскрытых ворот на площадку смерти, нависшей над глубокой громадной могилой, ограждённой земляным валом. Их гнали дубинками, травили собаками, и, как только все уже были на площадке и закрылись ворота, застрочил пулемёт. Конвейер смерти заработал. Когда гнали в ворота первые тридцать человек, то в это же время, отобрав следующих тридцать человек, пригоняли на место за кустами, отбирали ценности, заставляли раздеться и снова гнали на пятак, площадку смерти. Конвейерная плаха работала быстро и чётко, перемалывая человеческие жизни, заполняя их телами ненасытную прожорливую яму.

Сёма и мама–Сима, как и все, сидели на холодной земле, ожидая своей смерти. Сёма молчал, уйдя в глубину своих мыслей, и вдруг он услышал, что кто-то возле него считает: «Один, два, три...». Он повернулся к маме лицом и понял, что это она считает. Вначале Сёма подумал, что мама сошла с ума, но потом понял, что она ведёт отсчёт с того момента, когда пулемёт переставал строчить, и когда он снова оживал. «Один, два, три четыре...» – считала эта маленькая женщина, высчитывая до доли секунды этот интервал. Когда переставал строчить пулемёт, открывались ворота, команда из четырёх полицейских входила, очищали площадку, сбрасывая трупы в громадную яму, и всё начиналось сначала, а мама–Сима всё отсчитывала и отсчитывала.

Живых оставалось всё меньше и меньше, а ров–могила всё больше и больше заполнялась мёртвыми телами, и, когда отобрали очередных тридцать человек и погнали за кусты раздеваться, то в их числе была и Лиза со своим новорождённым сыном, которому даже имя не успели дать. Она шла и вдруг остановилась, прижимая дорогой свёрток к груди и в безумии, оглядываясь, не понимая, что творится вокруг. Молодой полицейский ударил её прикладом в спину и приказал идти туда, куда погнали тех, с которыми она шла, но Лиза не сдвинулась с места, а только безумно посмеивалась. Тогда полицейский, прислонив свой карабин к стволу берёзы, вырвал у неё из рук свёрток, развернул его, отбросил платок, в который был, завернут младенец и, взяв малыша за ножки, ударил его о ствол берёзы и отбросил в сторону. И тут раздался звук, напоминающий рычание раненого зверя, и в каком-то невероятном прыжке, Лиза свалила убийцу своего сына, и её длинные музыкальные пальцы впились в его тонкую и грязную шею. Он стал хрипеть, а она всё сильнее и сильнее сжимала пальцы, оскалив свои молодые, и крепкие зубы, а в этот момент к месту, где всё происходило, бежали два полицейских, на ходу снимая карабины, но были остановлены немецким офицером. Он отстегнул поводок с ошейника своей овчарки, которая сразу же бросилась на лежащую женщину, раздирая острыми клыками её одежду и тело, а офицер бегал вокруг, щёлкал затвором фотоаппарата, фиксируя все то, что его интересовало, и что он считал интересным и важным для своего фотоальбома. Убедившись, что заснял всё необходимое, остановился, расстегнул кобуру, вынул пистолет и выстрелил в голову несчастной матери; пристегнул поводок к ошейнику и, оттянув собаку, направился с ней туда, где раздевали живых покойников и откуда их гнали на площадку смерти. Когда офицер ушёл, полицейские подбежали к телу убитой женщины, оттащили в сторону труп, приподняли голову своего товарища по кровавым делам, надеясь помочь ему, но было уже поздно – он был мёртв, как убитый им младенец и его мать, которая сумела отомстить за смерть своего маленького сына. А мама–Сима продолжала считать...

Короткий октябрьский день уже начал клониться к вечеру, когда погнали последних, сорок три человека, в числе которых были и Сёма с мамой Симой. Их всех гнали быстрее, чем предыдущих, заставляя раздеваться ударами палок. Мама–Сима, раздеваясь, шептала: «Мы должны быть первыми», – она говорила это так, чтобы её слышал только Сёма, а он вновь подумал, что мама и впрямь сошла с ума. Когда они раздевались, к ним подошёл Володька, который был пьян и ехидно улыбался.

– Ну, что? – обратился он к Сёме. – Собираешься в путь–дорогу в дорожную Палестину? – он громко захохотал, оскалив свои волчьи зубы, ударил Сёму носком своего подкованного ботинка и пошёл туда, где грузили вещи убитых.

Когда начали загонять всех в ненасытный зев ворот, то мама–Сима вместе с Сёмой бежали в первом ряду, гонимые полицейскими навстречу смерти. На площадке они оказались у самого края ужасной могилы, до половины заполненной трупами. Вдруг сильный толчок сбросил Сёму вниз – это был толчок большой силы, толчок еврейской мамы, спасающей своего сына. Сёма полетел в громадную могилу за долю секунды до того, как начал строчить пулемёт. Падая, он ударился головой о голову лежащего трупа и потерял сознание. Как точно просчитала мама–Сима эту долю секунды! Доля секунды! Доля секунды! Как это много, и как это мало!

А в это же время, уже падали сверху другие мёртвые тела. Мама—Сима тоже упала, вместе со всеми, упала рядом с Сёмой, безвольно, положив на него свою ещё тёплую, но уже мёртвую руку, как бы защищая своего сына от падающих сверху тел. А пулемёт всё строчил и строчил, пока не упал последний человек, сражённый немецким свинцом.

Оцепление, где совершалось уму непостижимое преступление, было снято, выстроено в колонну и отправлено в сторону города. Три легковые машины увезли офицеров. Солдаты, полицаи, пулемётчик с пулемётом и собаками уехали на двух крытых грузовиках. Вещи убитых погрузили на подводы с наращенными бортами и тоже увезли в город. На месте кровавой трагедии остались восемь полицаев, которые очищали площадку смерти. Сгребли весь мусор, сбросив его в яму на тела убитых, собрали оставшиеся рваные и грязные вещи тех, кто недавно был жив, и тоже сбросили в яму. Затушили костёр, на котором сжигались фотографии и документы тех, кому они уже были не нужны. Присыпали убитых землёй, и после этих тяжких работ выпили остатки спиртного и, горланя песни, шатаясь, пошли в город, по той же дороге, по которой утром вели тех, кто остался лежать в той могиле, которая была ещё не полностью забита, в ожидании новых жертв.

Сёма очнулся, когда была уже глубокая ночь. Он хотел пошевелиться, но не смог, какая-то тяжесть давила, и почти нечем было дышать. Он ещё раз уже с силой попробовал повернуться; ему удалось поджать в коленях ноги, и тут он вспомнил, что с ним произошло, и понял, что под ним лежат мёртвые люди, а сверху на него давят такие же мёртвые тела, как и лежали внизу. Он упёрся руками и коленями ног, стараясь приподнять верхнюю давящую тяжесть, но не смог сдвинуть с места, он напрягал все свои силы и, в конце концов, почувствовал, что то, что лежало сверху, начало немного подниматься и соскользнуло в сторону. Образовалась щель, и Сёма вдохнул свежий сырой воздух и с ещё большим усилием раздвинул щель, просунул в неё голову и выполз наружу.

Шёл мелкий осенний дождь, земля, которой были прикрыты трупы, раскисла и превратилась в сплошную скользкую жижу. Сёма сделал всего один шаг, подскользнувшись упал, ещё раз поднялся и, осторожно передвигаясь по скользким трупам, пошёл в надежде найти место, где можно было бы выбраться из этой жуткой могилы. Медленно продвигаясь, он натолкнулся на ворох одежды. Сёма, глаза, которого освоились в темноте, начал искать в этой куче одежды то, что можно было бы надеть на себя, ведь он был совершенно голым. Роясь в этой куче, нашёл трусы, рваные брюки, какую-то женскую кофту и одеяло, которое было в нескольких местах порвано. Всё, что можно было надеть на себя, он надел, накинул на плечи одеяло и пошёл дальше. В одном месте он увидел свисающие корни деревьев, которые спускались от самого верха до середины ямы. Ухватившись за нижний корень, Сёма подтянулся, перехватил корень, который был выше, снова подтянулся, и вскоре выбрался на поверхность. Встал на ноги, постоял немного, как бы прощаясь со своей дорогой мамой, соучениками и всеми, кто лежит в этой могиле, откуда он только что выбрался, повернулся и стал быстро уходить, не зная, куда и для чего, но только подальше от этого страшного места. Он не мог себе представить куда идти. Он шёл, скользя босыми ногами по раскисшей грязи, поливаемый холодным дождём. Перешёл ручей, взобрался на небольшую кручу, заросшую мелким кустарником, и, пройдя немного, оказался на аллее городского кладбища, где росло много деревьев и кустов, где возвышались кресты и старинные памятники. Он шёл, не ощущая страха, ведь там, откуда он недавно выбрался, было во много раз страшнее, чем это тихое ухоженное кладбище. Выйдя за кладбищенские ворота, Сёма перебрался через железнодорожный путь, перешёл глубокий овраг и пошёл по городской улице, которая вела к рынку, затем свернул в переулок и снова шёл по какой-то улице, не зная куда идёт, а дождь всё усиливался, стущая и так непроглядную ночную темень. И вдруг он остановился, но не сразу понял, что стоит у знакомой калитки, которой часто пользовался, когда приходил к Василию Ивановичу играть в шахматы, а когда понял, попробовал открыть её, но она была заперта. Сёме не стоило большого труда перелезть

через забор, и, оказавшись во дворе, он подошёл к окну и, тихо постучав в оконный ставень, отошёл к крыльцу. Вскоре за дверью послышался голос Василия Ивановича, который спросил:

– Кто там?

– Дядя Вася, это я! – хриловатым голосом ответил Сёма.

Заскрипел отодвигающийся засов, и Сёма проскользнул в приоткрытую дверь, которая сразу же была заперта. Василий Иванович открыл дверь, которая вела в кухню, пропустил Сёму вперед и сразу же вошёл за ним. Галина Владимировна, увидев пришельца с того света, стоящего у самого порога, всплеснула руками, не в силах подняться со стула, чтобы подойти к нему, вскрикнула: «О, Боже! О, Господи!». Инициативу перехватил Василий Иванович и спокойно сказал:

– Завесь, Галочка, одеялом окно, чтобы сквозь ставни не пробивался свет, разожги примус и поставь большую кастрюлю воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.